

# ПО ТУ СТОРОНУ РЕАЛЬНОСТИ

36

18+

НИКИТА ГРИГОРОВ

# Никита Григоров

## По ту сторону реальности

*<https://litres.ru/74634712>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Екатеринбург, осень, бесконечный серый дождь. Город живёт как обычно, и только один секретный отдел знает: в 1998 году этот мир перестал быть настоящим. Теперь он — один из тридцати шести замкнутых кластеров, спрятанных от тех, кто его создал.

Стажёр Кирилл Костров умеет то, чего не умеет никто: проходить сквозь границы пространства без приборов. Для отдела он — ключ. Для самого Кирилла — вопрос, на который нельзя найти ответ, не заплатив за него.

Чем глубже он и капитан Глеб Северов уходят за разрывы реальности, тем яснее становится: за каждым стоит ещё один. А тот, кто закрыл этот мир, всё ещё смотрит.

Мистический триллер на стыке научной фантастики и нуара о мире, который держится на швах, о цене выживания и о том, как остаться собой, когда сама реальность перестаёт быть надёжной.

# Содержание

|                                     |     |
|-------------------------------------|-----|
| Глава 1 Квартира 48                 | 4   |
| Глава 2 Больше не человек           | 13  |
| Глава 3 Протокол первичной фиксации | 37  |
| Глава 4 Терминал                    | 51  |
| Глава 5 Забор цвета неба            | 81  |
| Конец ознакомительного фрагмента.   | 100 |

# Никита Григоров

## По ту сторону реальности

### Глава 1 Квартира 48

*«Дай человеку абсолютный итиль — он сам придумает себе бурю»*

— А ты думал, будет легко? — он усмехнулся одними уголками губ, не отрывая взгляда от дороги.

Второй шумно выдохнул, глядя в окно, за которым серыми полосами мелькал вечерний город.

— А почему, собственно, должно быть тяжело? — в его голосе не было вызова, только глухая, въевшаяся усталость. — Почему хоть раз не может быть просто легко?

— Ну... это жизнь.

— Хреновая какая-то система у этой жизни, не находишь? — он повернулся, вглядываясь в профиль собеседника. — Ты никогда всерьёз не задумывался, почему через силу должно быть вообще всё? Буквально с самого детства тебе со всех сторон вдалбливают: «Ничего, прорвёмся», «Переживём, и не такое бывало», «Терпи». Культ преодоления на ровном месте. Почему нельзя просто жить спокойно? Без надрыва, без вечной борьбы с ветряными мельницами, без

вот этого вечного выживания?

Пальцы первого крепче сжались на руле. Несколько секунд в салоне слышался только ровный гул мотора да редкие щелчки поворотника.

— Не знаю, — наконец отозвался он, покачав головой. — Наверное, это просто зашито в самой нашей природе. Дай человеку абсолютный штиль — он либо сам придумает себе бурю, чтобы почувствовать себя живым, либо начнёт медленно сходить с ума от тишины. Мы не умеем существовать без сопротивления.

— Значит, мы изначально сломаны, — тихо подытожил второй, снова отворачиваясь к запотевшему стеклу.

Машина плавно притормозила на очередном красном светофоре. Капли дождя на лобовом стекле дробились в алом неоновом свете, превращая улицу в размытую абстракцию.

Водитель бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида, затем повернул голову к напарнику.

— Сломаны? — он негромко хмыкнул, постукивая пальцем по рулю в такт поворотнику. — Нет. Чтобы быть сломанным, надо сначала быть кем-то идеально собранным. А нас никто не собирал. Мы просто адаптировались к среде, где каждый второй день — это проверка на прочность.

Пассажир горько усмехнулся, пальцем стирая влагу с запотевшего бокового стекла и открывая узкую полосу тёмного мокрого асфальта.

— Удобная философия. Оправдывает любую хрень, которая с нами происходит. «Мы не виноваты, среда такая».

— Это не оправдание, а факт, — спокойно отрезал водитель. Светофор переключился на зелёный, и машина мягко тронулась вперёд, рассекая лужи. — Если ты уберёшь из человека необходимость бороться за хлеб, за признание, за чьё-то прощение или просто за право вдохнуть завтра утром — что от него останется? Пустая оболочка на диване.

— Останется покой, — тихо произнёс второй. — Просто чёртов покой. Ты хоть помнишь, когда последний раз просыпался и не чувствовал этой тяжести в груди? Будто ты уже кому-то что-то должен с первой секунды дня.

Водитель помолчал. Его взгляд снова зафиксировался на мокрой трассе, уходящей вглубь спальных районов.

— Помню, — наконец глухо сказал он. — В детстве. Когда казалось, что за окном не серый бетон, а целый мир, который только и ждёт, когда ты выйдешь во двор.

— И куда это делось?

— Никуда. Мы просто выросли и поняли правила игры. Либо ты давишь на газ, либо стоишь на обочине и смотришь, как мимо проезжают другие.

Пассажир откинул голову на подголовник и закрыл глаза, слушая мерный шелест шин по мокрому асфальту.

— А если я больше не хочу играть по этим правилам?

— Придётся, — не оборачиваясь, повторил Глеб. Его голос долетал глухо, будто сквозь слой плотной ваты. — Пото-

му что другой дороги у нас сегодня всё равно нет. Держись, сейчас на мост выезжаем.

Кирилл не ответил. Он снова прижал лоб к холодному боковому стеклу. Монотонная вибрация кузова, убаюкивающий шелест шин по мокрому асфальту и ровное, гипнотическое щёлканье реле поворотника медленно вытягивали из него остатки сил. Огни фонарей за окном начали вытягиваться в длинные, расплывчатые золотые нити. Мысли путались, тяжелели, пока серый вечерний город окончательно не растворился в темноте закрытых век.

Сон не принёс облегчения. Он навалился резко, с привкусом железа и запахом сырой штукатурки.

...Они снова поднимались по этой чёртовой лестнице. Десятиэтажка в спальном районе, тёмный подъезд, неработающий лифт и гулкий стук тяжёлых подошв Глеба на пролётах.

Пятый этаж. Квартира сорок восемь. Дверь из дешёвого дерматина с выдраным глазком.

— Кирилл, держи контур, — голос Глеба звучал сухо, по инструкции.

Но внутри всё уже пошло наперекосяк. Никакой привычной гнили или едкого запаха распада — на лестничную площадку из приоткрытой щели пахло уютом. Жареной картошкой, сливочным маслом и чем-то неуловимо домашним, из далёкого детства.

Кирилл толкнул дверь.

В узком коридоре горел мягкий тёплый свет. На кухне спиной к ним стояла женщина в домашнем фартуке, спокойно помешивая ужин на плите, а в дверном проёме на коленях стоял мужчина лет сорока пяти. В растянутом свитере, с мокрым от слёз лицом, он судорожно, до побелевших пальцев сжимал в объятиях мальчишку в школьной рубашке.

— Пап, ты чего так вцепился? — пацан растерянно улыбался, пытаясь высвободить плечи. — Руки ледяные... Замерз на улице?

Кирилл знал их личное дело наизусть.

В «базовой» ветке этот мальчишка двенадцать лет лежал под гранитной плитой на Южном кладбище — нелепая авария на пешеходном переходе промозглой осенью. Жена этой трагедии не выдержала: бесконечные упрёки, взаимное молчание, бессонные ночи и пустая детская выжгли их брак дотла за полгода. Она собрала вещи, подала на развод и уехала в другой город, лишь бы не видеть этих стен. Мужчина остался один в трёх комнатах с облупившимися обоями, каждый вечер глуша водкой звенящую, мёртвую тишину.

А сейчас ткань вероятности лопнула, сшив обратно всё, что было разорвано в клочья. Жена снова была здесь, счастливая, спокойная, пахнувшая уютом. Сын стоял рядом и дышал.

Прибор под курткой Кирилла противно заверещал, стрелки индикаторов забились в красной зоне — аномалия росла, перекрытия дома начинали незаметно вибрировать, готовые

сложиться внутри от перегруза. Чужое, невозможное счастье медленно разрушало законы физики вокруг себя.

Мужчина обернулся на резкий писк сканера. Увидев двоих в мокрых куртках на пороге, он мгновенно всё понял.

— Мужики, не надо... — он поднял на них затравленный, молящий взгляд, инстинктивно закрывая собой сына и отесняя его вглубь кухни к матери. — Я всё отдам. Забирайте квартиру, забирайте всё, что есть. Только не это. Пожалуйста. Дайте мне просто дожить с ними... хотя бы до утра.

— Кирилл, таймер! — Глеб уже вскрывал щиток, методично вгоняя клеммы стабилизатора и принципиально не глядя в сторону кухни. — Сорок секунд до схлопывания сектора. Проводи отсечение. Живо!

Пальцы Кирилла на тяжёлом корпусе сбрасывателя онемели. Рука дрожала. В горле встал тяжёлый ком. Мужчина полз к нему по линолеуму, вцепившись в мокрую штанину, а мальчик за его спиной испуганно замер, не понимая, почему мама у плиты вдруг застыла, словно восковая фигура.

«Держи контур. Просто держи контур, Кирилл. Никаких эмоций. Только регламент...» — эхом звенело в ушах.

— Кирилл, жми! — рывкнул Глеб.

Щелчок тумблера.

Сухой, ослепительный треск озона. Вспышка разорвала пространство — и в ту же секунду тёплое сияние лампы, запах ужина, силуэт женщины и мальчик начали рассыпаться мелким серым пеплом, растворяясь в воздухе. Мужчина за-

кричал страшно, по-звериному, хватая руками пустой воздух, где только что стоял его сын. Но крик оборвался на полуслове.

Вспышка погасла.

Темнота. Облупленные обои. Запах сырости, плесени и застарелой пыли. Тишина, от которой закладывало уши. И только тяжёлое, неподвижное тело мужчины на грязном линолеуме среди разбросанных пустых бутылок — человека, которого они только что силой затащили обратно в его персональный ад.

Машину резко тряхнуло на дорожном стыке моста.

Кирилл дёрнулся, сдавленно втянул воздух ртом и распахнул глаза. Сердце колотилось в горле, пальцы мелко дрожали, а во рту стоял едкий, кислый привкус озона.

Глеб не повернул головы, лишь переложил руку на руле.

— Приехали почти, — негромко сказал он, глядя на мокрый асфальт. — Не дёргайся. Это просто откат.

Автомобиль свернул с моста, нырнул в лабиринт тёмных спальных дворов и мягко затормозил у глухой торцевой стены старой панельки. Двор был пуст, в лужах дробились редкие жёлтые окна верхних этажей.

Глеб заглушил мотор. В салоне сразу стало непривычно тихо, только капли дождя мерно барабанили по крыше.

— Вылезай, — Глеб щёлкнул замком и достал из кармана связку ключей без брелока. — Домой тебе сегодня нельзя.

В таком состоянии на порог сунешься — к утру давление долбанёт под двести, а в зеркале чужое лицо начнёшь видеть. Переночуем на «двойке».

«Двойкой» они называли служебный отстойник — двухкомнатную квартиру на втором этаже. По документам она числилась за одиноким ветераном труда, тихо скончавшимся пять лет назад в областной больнице, но по базам загса и Росреестра благодаря тринадцатому отделу он всё ещё числился живым, а счета за коммуналку исправно закрывались автоматическими переводами. Соседи по площадке были уверены, что тихий старик давно перебрался к дочке за город, а сюда лишь изредка заезжают его немногословные племянники.

Они молча поднялись по тёмной лестнице. Глеб открыл массивную железную дверь с тремя замками. Внутри пахло старым деревом, аптечной настойкой пустырника и холодом нежилого помещения. Никаких личных вещей, фотографий на стенах или ковров — только два продавленных дивана, тяжёлые блэкаут-шторы, не пропускающие ни грамма уличного света, и металлический шкаф в углу с медикаментами и приборами дегазации.

Глеб первым делом бросил на стол тяжёлый кейс со стабилизатором, с металлическим стуком лёг на полку сбрасыватель Кирилла. Затем Глеб подошёл к аптечке, достал две ампулы с прозрачным раствором и одноразовые шприцы.

— Садись, — кивнул он Кириллу на диван, щёлкая паль-

цем по стеклу ампулы. — Закатай рукав. Сейчас нейростабилизатор вгоним, минут через десять руки перестанут дрожать, и тошнота уйдёт.

Кирилл опустился на край дивана, упёрся локтями в колени и спрятал лицо в ладонях. Кожу до сих пор покалывало, словно от статического электричества, а перед глазами всё ещё вспыхивал тот серый пепел, в который рассыпался чужой ребёнок.

— Глеб... — глухо позвал он из-под ладоней.

— М? — Глеб со скрежетом сорвал колпачок со шприца.

— А если в нашей собственной «базе» мы тоже чья-то стёртая ветка? Если кто-то точно так же нажал тумблер, оставив нас вот в этой серости?

Глеб на секунду замер со шприцем в руке. Его лицо в тусклом свете кухонной лампы показалось высеченным из камня. Затем он подошёл ближе, положил тяжёлую ладонь Кириллу на плечо и коротко, без злости ответил:

— Даже если и так. Какая теперь разница? Рукав закатай.

# Глава 2 Больше не человек

*«Чтобы спасти целое здание, кто-то должен молча выжечь одну квартиру»*

Нейростабилизатор выжигал мысли медленно, слой за слоем. Действие препарата напоминало густой промышленный растворитель: сначала онемел затылок, затем из мышц ушла мелкая дрожь, а к четырём утра в черепе остался лишь стерильный, монотонный шум, похожий на шипение ненастроенного радиоприёмника. Тошнота отступила, оставив на языке привкус сырой извести. Кирилл лежал на продавленном диване «двойки», уставившись в потолок. В комнате царил непроглядный мрак — тяжёлые блэкаут-шторы глушили любые отблески уличных фонарей. Из соседней комнаты доносилось мерное, тяжёлое дыхание Глеба. Напарник засыпал мгновенно, по армейской привычке отключаясь ровно на четыре часа между фазовыми сменами.

Сон к Кириллу так и не пришёл. Он бесшумно поднялся, сел на край дивана и провёл ладонями по лицу. Кожа была сухой и холодной. Нащупав в темноте свои армейские ботинки, он на цыпочках вышел в узкий коридор «отстойника».

Его куртка — тяжёлая, шуршащая мембранная ветровка со скрытыми карманами под экранирующий кевлар — висела на гвозде у входной двери. До сих пор сырая, пахнувшая

осенней гарью и дорожной пылью.

Кирилл машинально сунул руку в глубокий боковой карман за сигаретами, но пальцы наткнулись на что-то твёрдое, угловатое и совершенно чужое.

Он замер.

Сердце, только что утихомиренное химией стабилизатора, глухо и болезненно толкнулось в рёбра.

Пальцы медленно сомкнулись вокруг предмета. Гладкое полированное дерево, холодное металлическое кольцо и два плоских английских ключа.

Память мгновенно вернула его на несколько часов назад. Пятый этаж. Квартира сорок восемь. Дверь распаивается, в коридоре хлещет поперечный гравитационный сдвиг — ткань пространства уже трещит, пол уходит из-под ног. Входя в прихожую, Кирилл плечом сносит хлипкую настенную вешалку. Что-то с металлическим звяканьем срывается с крючка, падает прямо в распахнутый карман его расстёгнутой штормовки, а в следующую секунду Глеб уже вбивает клеммы контура, орёт про таймер, и пальцы вжимают тумблер сбрасывателя...

Кирилл медленно вытащил руку и разжал ладонь в тусклой полоске света, пробивавшейся из-под кухонной двери.

На ладони лежали два плоских ключа на металлическом кольце, а к кольцу на потёртом кожаном шнурке был привязан брелок: вырезанный вручную деревянный конь из светлого, почти белого дерева под лаком, с подрезанной гривой

и сколотым левым ухом.

Дерево пахло лаком и чужим домом.

Кирилл сжал фигурку так, что дерево врезалось в кожу. Это было физически невозможно.

При штатном отсечении фазовый сбрасыватель аннигилирует всё, что принадлежит искусственной ветке. Люди, мебель, воздух, запахи — всё должно было осыпаться нейтральным пеплом и схлопнуться в точку сингулярности. Этот брелок висел в прихожей несуществующей квартиры несуществующей семьи. Он был фантомом, математической погрешностью.

Но он лежал на его ладони. Плотный, реальный, осязаемый.

— Не спится? — раздался из темноты низкий голос.

Кирилл молниеносно сжал кулак и спрятал руку обратно в карман куртки, едва сдержав судорожный выдох.

В дверном проёме кухни стоял Глеб. Уже одетый в тёмный форменный свитер, босой, со стаканом мутной водопроводной воды в руке. Его тяжёлый, сканирующий взгляд скользнул по фигуре Кирилла.

— Воды попить встал, — ровно ответил Кирилл, стараясь не менять дыхания. — И стабилизатор... голова гудит.

Глеб сделал глоток, не сводя с него глаз, затем коротко кивнул на настенные часы:

— Пять сорок. Собирайся. В семь надо быть на объекте. Аналитикам надо сдать логгеры и закрыть протокол по сорок

восьмой, пока город не проснулся.

Здание городского БТИ на окраине промышленной зоны выглядело образцово-уныло: облупленный серый фасад позднесоветской постройки, пыльные жалюзи на окнах и выцветшая вывеска. Обыватели видели здесь лишь архив технической документации и ленивых делопроизводителей.

О том, что под двумя этажами пыльных папок с поэтажными планами находится глубокий защищённый бункер Тринадцатого отдела, знали единицы.

Спустившись на служебном грузовом лифте на уровень «минус три», напарники прошли сквозь шлюз дегазации. За бронированными дверями стоял привычный низкочастотный гул: тяжело ворочались фазовые накопители, пахло канифолью, машинным маслом и крепким дешёвым кофе.

— Сдаём снаряжение в шестой бокс, — бросил Глеб.

Они вошли в отсек приёмки в полной выкладке: Глеб нёс тяжёлый опечатанный кейс стационарного стабилизатора контура, Кирилл — ручной сбрасыватель в защитном кофре. В кармане форменных брюк

Кирилла, бережно завернутая в бумажную салфетку, лежала деревянная фигурка коня. Каждый шаг отдавался глухим ударом в висках. Пройти мимо входных рамок удалось чудом — дерево и латунные ключи не давали явного фазового фона, пока спал сбрасыватель, но риск был колоссальным.

В аналитическом отсеке за длинным пультом с десятком

мониторов сидел Воронов — ведущий диагност отдела. Человек без возраста, с бледным лицом архивной крысы и цепкими, воспалёнными от вечного мерцания экранов глазами.

— Сорок восьмая? — сухо спросил Воронов, не отрываясь от клавиатуры и принимая оба прибора.

— Зачищено в ноль. Вторичных флуктуаций нет, — Глеб опустил кейс стабилизатора на стеллаж, а Кирилл выложил сбрасыватель на мягкое антистатическое покрытие стола.

Воронов подключил интерфейсный кабель к разъёму сбрасывателя и начал считывать телеметрию импульса.

На экранах побежали графики. Зелёные кривые вероятностного распада рисовали аккуратные нисходящие параболы. Воронов лениво крутил колесо мыши, пока кривая массы внезапно не замерла на финальном отрезке, выдав узкий жёлтый зубец ошибки.

Пальцы аналитика замерли на клавиатуре.

— Так, — протянул Воронов, придвигаясь ближе к экрану. Его брови медленно поползли вверх. — А вот это что за фокусы?

Кирилл почувствовал, как спина под форменной курткой мгновенно покрылась ледяной испариной.

— В чём дело, Воронов? — нахмурился Глеб. — Контур держали ровно сорок секунд, отсечение прошло по первому протоколу.

— По протоколу-то по первому, — аналитик ткнул пальцем в жёлтый зубец на мониторе. — Только дельта схлопы-

вания не бьётся. Баланс массы и энергии не сошёлся.

Воронов нажал пару клавиш, и терминал высветил сухое предупреждение системы калибровки: **НЕСООТВЕТСТВИЕ ФАЗОВОЙ МАССЫ: -14.2 г.**

— Четырнадцать граммов, — тихо произнёс аналитик, поворачиваясь в кресле к оперативникам. Его взгляд стал острым, как скальпель. — Ровно четырнадцать граммов материальной структуры не вернулись в базовую ветку. Они не аннигилировали при импульсе сбрасывателя. Где они, Глеб?

Глеб наклонился над столом, вглядываясь в цифры:

— Погрешность излучателя. Прибору шестой год пошёл, на прошлой неделе в третьем секторе клеммы грелись. Спиши на аппаратную погрешность матрицы.

— На матрицу можно списать две десятых грамма, — отрезал Воронов. — А четырнадцать — это предмет. Плотный физический объект. Вы квартиру перед отсечением полностью заблокировали? Контур нигде не пробило? Ничего за пределы поля не выбросило взрывной волной?

— Ничего, — ровным, почти мёртвым голосом вмешался Кирилл, шагнув вперёд. — Мужчина пытался прорваться к выходу, контур дрогнул на третьей секунде. Возможно, локальный микросдвиг в дверном проёме. Рассеялось в перекрытиях здания.

Воронов несколько секунд сверлил Кирилла тяжёлым взглядом, затем раздражённо выдохнул и вбил служебную команду в консоль:

— Ладно. Оформлю как калибровочный сбой излучателя. Но если центральный сейсмограф до вечера не выровняет фон в этом квадрате — пойдёте на полную фазовую томографию. Оба.

Он захлопнул журнал приёмки и махнул рукой в сторону коридора:

— Идите на третий этаж. Сова уже полчаса вас ждёт. Там ЧП.

Полковника Савельева между оперативниками не зря звали «Совой».

Дело было не только в его привычке бодрствовать исключительно по ночам, когда ткань реальности истончалась сильнее всего, но и в тяжёлом, гипнотическом взгляде круглых, немигающих глаз под нависшими веками. Казалось, Савельев способен поворачивать голову под невозможными углами и видеть человека насквозь — вместе со всеми его служебными грехами, сомнениями и фазовым откатом.

В его кабинете пахло крепким табаком и остывшим чаем. На большой настенной карте города горели сразу шесть красных светодиодных меток. Четыре из них уже мигали серым — отработанные адреса. Но две оставшиеся пульсировали тревожным багровым светом.

Сова даже не поднял головы от бумаг, когда они вошли.

— Бросайте рапорты на стол, садитесь, — глухо бросил полковник и щёлкнул тумблером на проекторе.

На экране появилось фото: обычный гаражный кооператив на севере города, а следом — детальная диаграмма фазового разрыва.

— Это зафиксировано сорок минут назад на Сортировке, — сухо произнёс Сова, уперев тяжёлый взгляд в оперативников. — И это уже пятый случай за декаду. Одинаковая картина, одинаковая глубина прокола. Сорок восьмая квартира была лишь звеном в цепи.

Глеб нахмурился:

— Слишком высокая частота для спонтанных флуктуаций. Пространство так само по себе не рвётся.

— Вот именно, — отчеканил полковник. — Оно не рвётся само. Его режут. Намеренно и очень профессионально.

Сова переключил слайд. На экране появились три портрета разных людей: спившийся хирург, мать-одиночка, потерявшая дочь в теракте, и тот самый мужчина из сорок восьмой квартиры.

— Кто-то методично ищет сломленных людей, — голос Савельева стал ледяным. — Тех, чья жизнь в нашей базовой ветке превратилась в ад. Им дают «маяк» — портативное фазовое реле старого образца. Человек активирует его, конструирует вокруг себя идеальный карман реальности — возвращает близких, переписывает ошибки прошлого. А расплачивается за это устойчивость всего городского сектора. Ещё два таких разрыва, и у нас сложится несущая сетка вероятностей. Начнётся каскадный коллапс.

— Кто это делает? — спросил Кирилл. Рука в кармане невольно коснулась салфетки с деревянным конём.

Сова медленно, по-птичьи наклонил голову к плечу и посмотрел на Кирилла в упор:

— Почерк нам знаком. Модифицированные стабилизаторы серии «Вектор-4». Такие стояли на вооружении Отдела до реформы десятого года.

В кабинете повисла мёртвая тишина.

— Нестеров, — тихо сказал Глеб. В его голосе впервые за всё время прорезалось напряжение. — Его списали как погибшего при ликвидации разрыва на плотине.

— Тела мы так и не нашли, — отрезал Сова. — Семь лет он молчал, а теперь объявился. И он не просто создаёт карманы. Он ведёт с нами войну. Нестеров знает все наши протоколы, все частоты зачистки. Он знает, что мы придём и всё сотрём. И он хочет, чтобы город видел, как Отдел уничтожает чужое счастье.

Полковник бросил на стол оперативную папку:

— Адрес нового прокола — улица Белинского, старый дом возле парка. Там сейчас разворачивается нестабильный сектор шестого класса. Получайте свежие комплекты в арсенале и выезжайте немедленно. Задача прежняя: локализация, отсечение, стабилизация базы.

Савельев сделал паузу и впериł немигающий взгляд прямо в глаза Кириллу:

— И помните. Никакой жалости. Каждая фальшивая вет-

ка, которую вы пожалеете, приближает конец реального мира. Свободны.

Они спустились в арсенал. Дежурный оружейник молча выставил на резиновую дорожку два свежих чёрных кейса. Новый полевой стабилизатор контура с нетронутыми пломбами и откалиброванный сбрасыватель с полной батареей накопителя. На металле хищно поблескивали свежие штампы службы фазового баланса.

Глеб проверил защёлки, перехватил кейс за ручку и молча зашагал к выходу. Кирилл закинул ремень сбрасывателя на плечо, чувствуя его привычную тяжесть.

Они вышли на служебную парковку. Над городом висело тяжёлое свинцовое небо, моросил мелкий холодный дождь, превращая грязь под ногами в скользкое месиво.

Глеб открыл багажник, закинул аппаратуру и обошёл машину. Сев за руль, он не стал сразу трогаться — повернул ключ, дождался, пока загорятся индикаторы приборной панели, и уставился на лобовое стекло, по которому стекали струи воды.

Кирилл остался стоять у пассажирской двери. Он достал из пачки сигарету, спрятал огонёк зажигалки в ладонях и глубоко затянулся. Едкий дым обжёг пересохшее горло, но так и не смог перебить фантомный металлический привкус озона.

В кармане форменных брюк четырнадцать граммов поли-

рованного дерева жгли бедро сквозь плотную ткань.

Он опустил руку в карман. Пальцы нащупали сколотое ухо деревянной фигуры.

Если этот предмет не рассыпался в прах, значит, отсечение не было абсолютным. Значит, часть той квартиры — часть того невозможного, украденного тепла — смогла зацепиться за эту реальность. Просочиться сквозь лезвия сбрасывателя.

«Каждая фальшивая ветка, которую вы пожалеете...» — звучали в ушах слова Совы.

— Кирилл, садись, — донеслось из приоткрытого окна машины. Голос Глеба был глухим и ровным. — Время идёт. До Белинского по этим пробкам минут сорок толкаться.

Кирилл бросил окурок в лужу, проводил взглядом вспыхнувшую и тут же погасшую в грязной воде искру и сел на переднее сиденье.

Машина плавно тронулась, выезжая из промзоны на центральные улицы. Дворники с ритмичным скрипом размазывали воду по стеклу. Город за окном жил своей обычной, слепой жизнью: сонные люди жались под зонтами на остановках, мокли серые вывески магазинов, с визгом тормозили переполненные маршрутки. Никто из них даже не догадывался, что всего в паре кварталов отсюда ткань мира трещит по швам, готовая разорваться в клочья от чужой невыносимой тоски.

Глеб молчал, цепко удерживая руль обеими руками. Его

лицо казалось застывшей маской из серого гипса.

— Ты знал Нестерова? — тихо спросил Кирилл, не поворачивая головы.

Глеб не ответил сразу. Он перестроился в средний ряд, объезжая застрявший на аварийке грузовик, и только потом глухо произнёс:

— Он был моим первым напарником. Десять лет назад.

Кирилл перевёл взгляд на профиль Глеба. В тусклом свете пасмурного утра на щеке напарника белел старый тонкий шрам — след фазового ожога.

— Он был лучшим в отделе, — продолжил Глеб, глядя строго на дорогу. — Ни секунды сомнений, идеальная калибровка контура, железные нервы. А потом у него сгорела дача. Жена и пятилетняя дочка не успели выйти.

Дворники скрипнули, стирая очередную порцию дождя.

— Мы приехали на вызов через месяц, — голос Глеба стал почти шёпотом, без единой эмоции. — Обычный прокол на окраине. Заходим — а там его дом. Тот самый, целый и невредимый. И дочь сидит на крыльце, рисует мелками. Нестеров сам собрал нелегальный маяк из списанных деталей и замкнул на себя вероятностный контур. Он умолял меня не нажимать кнопку. Стоял передо мной на коленях, точно так же, как тот мужик в сорок восьмой.

В салоне повисла тяжёлая, душная тишина. Слышно было только шуршание мокрых шин по асфальту.

— И ты нажал? — спросил Кирилл.

Глеб крепче сжал пальцы на руле, так что побелели костяшки.

— Нажал, — отрезал он. — Потому что за его спиной уже поплыли несущие конструкции соседних домов. Люди на улице начали терять память и растворяться в воздухе. Я нажал сбрасыватель, а когда вспышка погасла — там было только пепелище. Нестеров бросился на меня, мы сцепились, он сорвал аварийный накопитель и ушёл в фазовый сдвиг прямо в эпицентре. Я думал, его разорвало на атомы.

Глеб на секунду повернул голову и посмотрел Кириллу прямо в глаза:

— Запомни раз и навсегда. Нестеров больше не человек. Он — ходячий очаг распада. Он даёт людям яд под видом лекарства, а они берут, потому что слишком слабы, чтобы жить в реальном мире. Если ты дашь слабину перед ним хоть на секунду — мы ляжем рядом с теми, кого уже стёрли.

Машина свернула на Белинского. Впереди, за кронами старых тополей парка, показались облупленные кирпичные стены трёхэтажного дореволюционного дома.

На приборной панели в специальном разъёме внезапно ожил поисковый сканер. Его стрелка дёрнулась, преодолела жёлтый сектор и с противным высокочастотным писком намертво застыла в красной зоне.

Разрыв был открыт.

Глеб заглушил мотор и потянулся к замку двери:

— Приехали. Надевай экранирование. Работаем быстро.

Дождь за стеклом перешёл в колючую ледяную крупу.

Кирилл натянул на голову капюшон штормовки, застегнул шейный клапан и зафиксировал манжеты — плотная ткань с тонкими нитями экранирующего сплава глухо зашуршала, отрезая тело от внешнего фона. Пальцы в перчатках привычно легли на рукоять сбрасывателя.

Глеб уже открыл багажник. Достал тяжёлый кейс стабилизатора контура, резким движением выдернул страховочные штыри и проверил индикаторы: два зелёных диода ровно светились сквозь полупрозрачный пластик крышки.

— Третий этаж, угловая квартира, — не оборачиваясь, бросил Глеб, глядя в тёмные оконные рамы старого дома. — Слышишь?

Кирилл прислушался. Сквозь шум дождя и шелест проезжающих машин с верхнего этажа доносилась глухая, неестественно чистая мелодия фортепиано. Звуки не дробились о стены, а будто висели в воздухе плотным, тягучим облаком. Это был первый признак фазового сдвига — в эпицентре аномалии акустика всегда ломалась раньше гравитации.

— Контур начинаем тянуть с площадки второго, — Глеб подхватил кейс. — На рожон не лезть. Если внутри сам Нестеров — огонь на поражение без предупреждения.

Они вошли в подъезд. В нос ударил густой, затхлый запах сырого подвала, кошачьей мочи и старых газет — обычная изнанка дореволюционного фонда. Но стоило им подняться

на пару пролётов вверх, как воздух резко переменялся.

На площадке третьего этажа пахло свежесрезанными цветами, дорогим парфюмом и тёплым воском. Из-под массивной дубовой двери квартиры номер семь струился ровный, янтарный свет, а деревянные ступени под ногами едва заметно вибрировали, словно под ними работал мощный трансформатор.

Стрелка сканера на груди Кирилла забилась в упор, прибор истошно заверещал.

— Давай контур, живо, — скомандовал Глеб, опуская кейс на цементный пол.

Одним движением монтировки он вскрыл старый силовой щиток на стене. Искры брызнули во все стороны, когда Глеб с силой вогнал тяжёлые медные клеммы прямо в магистральные провода, замыкая периметр этажа на батарею стабилизатора.

Прибор в кейсе взвыл, набирая обороты. По периметру лестничной площадки пробежала едва заметная синеватая рябь — контур замкнулся, запирая разрыв внутри квартиры.

— Контур стабилен! — крикнул Глеб сквозь нарастающий гул. — Две минуты до перегрузки сети. Выбивай замок!

Кирилл вскинул сбрасыватель, перевёл селектор на импульсный пробой и ударил прикладом по замку. Старое дерево с треском лопнуло, дверь распахнулась наружу.

Внутри не было разрухи.

Просторная комната с высокими лепными потолками бы-

ла залита мягким светом хрустальной люстры. На полированном паркете стоял чёрный рояль, за которым сидела молодая девушка в лёгком шёлковом платье. Её тонкие пальцы порхали по клавишам, извлекая ту самую невозможную мелодию. Рядом, в глубоком кресле, сидела пожилая женщина с седыми аккуратно уложенными волосами. На коленях у неё лежала раскрытая книга, а на лице застыло выражение абсолютного, безмятежного покоя.

Но в углу комнаты, в тени тяжёлых штор, стоял мужчина. Он не прятался. Высокий, худой, в длинном чёрном пальто с поднятым воротником. Его лицо было бледным, почти прозрачным, а сквозь кожу на висках и шее мерцали тонкие фиолетовые прожилки — несмываемые следы глубокого фазового распада.

Нестеров.

Он медленно повернул голову к ворвавшимся оперативникам. В его глазах не было ни страха, ни удивления — только бесконечная, ледяная пустота человека, который заглянул за край мироздания и остался там навсегда.

— Здравствуй, Глеб, — негромко произнёс он. Его голос звучал странно, словно с лёгкой задержкой, перекрываемый собственным эхом. — А я думал, Сова пришлёт кого-то нового. Тех, у кого руки ещё не по локоть в чужой памяти.

Глеб шагнул вперёд, вскидывая табельный пистолет:

— Отойди от маяка, Нестеров. Контур замкнут. Ты никуда не уйдёшь.

— А я никуда и не собираюсь, — Нестеров едва заметно улыбнулся уголками потрескавшихся губ и кивнул на девушку за роялем. — Знаешь, кто это? Это Аня. В твоём «настоящем» мире её сбил пьяный чиновник на тротуаре ровно четыре года назад. Её мать, — он указал на женщину в кресле, — сошла с ума от горя и медленно умирает в интернате от деменции, забыв даже собственное имя. А здесь они счастливы. Они живы.

Девушка за роялем даже не повернула головы. Она продолжала играть, но Кирилл с ужасом заметил, что её движения начинают циклично повторяться: один и тот же пассаж, один и тот же наклон головы, одно и то же движение ресниц.

— Это не жизнь, Нестеров! — рывкнул Глеб, делая шаг к нему. — Это замкнутая петля! Проекция твоего мёртвого разума! Твой маяк выжигает реальность под этим домом, через десять минут весь квартал провалится в фазовую яму!

— Зато в этой яме они не будут чувствовать боли, — жёстко парировал Нестеров.

Его взгляд внезапно сместился с Глеба на Кирилла. Взгляд метнулся к карману брюк оперативника, словно он мог видеть сквозь ткань.

— А ты, мальчик... — прошептал Нестеров, и в его мёртвом голосе прорезался неподдельный интерес.

— Ты ведь уже понял, да? Ты почувствовал вес?

Кирилл застыл на месте. Рука на рукояти сбрасывателя дрогнула.

— Четырнадцать граммов, — тихо, но так отчётливо произнёс Нестеров, что этот шёпот перекрыл вой стабилизатора в коридоре. — Белый конь. Ты ведь оставил его себе. Ты нарушил закон Отдела, потому что глубоко внутри знаешь: то, что мы стираем — тоже настоящее.

Глеб на долю секунды опешил, метнув короткий, яростный взгляд на напарника:

— Кирилл, о чём он говорит?!

— Глеб, таймер! — перебил Кирилл, пытаясь перекрыть нарастающую панику внутри себя. — Таймер контура!

Прибор в коридоре издал пронзительный писк перегрузки. Стрелки вольтметров в щитке задрожали — медные жилы не выдерживали колоссального напряжения.

Нестеров резко отступил назад, к распахнутому окну, за которым стеной стоял серый ливень.

— Вы можете стирать их снова и снова, — громко сказал он, поднимая руки. Из его рукавов вырвались снопы ярких фиолетовых искр. — Но плотину уже прорвало. Город просыпается, Глеб. И когда ткань лопнет окончательно, вам придётся выбирать: умереть в своей серой пустоте или шагнуть в карман.

— Стреляй! — рявкнул Глеб, нажимая на спуск.

Грохнул выстрел, но пуля лишь выбила сноп искр из оконной рамы. Нестеров шагнул спиной в пустоту третьего этажа и растворился в воздухе прямо в падении, оставив после себя едкую вспышку озона и резкий хлопок схлопнувшегося

вакуума.

На полу у рояля заискрился оставленный им портативный маяк — старый армейский блок с треснувшим экраном.

— Кирилл, жми! — закричал Глеб, бросаясь к прибору, чтобы сбить нарастающую перегрузку. — Отсекай сектор, сейчас всё здание ляжет!

Музыка резко оборвалась. Девушка за роялем наконец повернула голову к Кириллу. Её глаза были полны нечеловеческого, осознанного ужаса.

— Пожалуйста... — прошептала она одними губами.

Кирилл зажмурился. Пальцы сорвали предохранительную скобу и до упора вогнали тумблер сбрасывателя.

Щелчок.

Ослепительный белый свет выжег темноту под веками. Ударная волна сбила с ног, швырнув Кирилла спиной на дверной косяк. В воздухе запахло палёной шерстью, гарью и пеплом.

Когда свет погас, вокруг снова была привычная мёртвая тишина.

Ни рояля. Ни лепнины. Ни музыки.

Тёмная, полуразрушенная комната с провалившимися досками пола, толстым слоем многолетней пыли и разбитыми окнами, сквозь которые залетал мокрый снег с дождём. В углу на куче тряпья лежало иссохшее тело старика, умершего здесь в одиночестве много месяцев назад.

В коридоре со стоном отключился стабилизатор контура.

Глеб медленно поднялся с колен, отряхнул пыль с рукава и подошёл к Кириллу. Его лицо было белее мела, а в глазах стояла холодная, беспощадная ярость.

Он протянул руку и схватил Кирилла за грудки, прижав к стене:

— А теперь выкладывай, — сдавленным шёпотом процедил Глеб, глядя ему прямо в зрачки. — Что было в сорок восьмой квартире? Что у тебя в кармане?

Кирилл затылком чувствовал шершавую, осыпающуюся штукатурку стены. Пальцы Глеба вцепились в плотную ткань воротника так, что сдавило трахею, перекрывая кислород.

— Я жду, — почти беззвучно повторил Глеб. В его глазах не было злости — там застыл холодный, расчётливый приговор кадрового офицера. — Что ты вытащил из контура?

Кирилл судорожно вдохнул сырой воздух сквозь сжатые зубы, опустил правую руку в карман брюк и медленно вытянул пальцы наружу.

Между ними тускло блеснуло металлическое кольцо с двумя ключами и белой резной фигуркой коня.

Глеб опустил взгляд на ладонь напарника. Его зрачки сузились, превратившись в две чёрные точки. Хватка на воротнике ослабла, но рука не опустилась — он замер, словно увидел перед собой боевую гранату с выдернутой чекой.

— Брелок с настенной вешалки, — глухо сказал Кирилл, разжимая онемевшие пальцы. — При входе зацепил плечом.

Он упал в открытый карман куртки до того, как замкнулся контур. Я нашёл его только утром на «двойке».

— И промолчал, — констатировал Глеб. Голос напарника стал абсолютно ровным, пугающе тихим. — У Воронова на приёмке стоял и молчал. Списал всё на погрешность матрицы.

— А что я должен был сказать?! — Кирилл сделал шаг вперёд, срываясь на сдавленный шёпот. — Что физика Отдела даёт сбой? Что предметы из стёртой вероятности не распадаются в ноль, если их вынести за границу до вспышки? Ты сам знаешь, что со мной сделали бы. Изолятор, допрос с сывороткой и полная фазовая стерилизация памяти. Я бы вышел оттуда овощем, который ложку держать не умеет!

Глеб медленно забрал ключи из руки Кирилла. Лёгкая фигурка легла на его ладонь в толстой кевларовой перчатке. Он повертел её перед глазами, разглядывая сколотое ухо.

— Дело не в тебе, дурак, — с горечью выдохнул Глеб. — И не в твоей памяти. Ты хоть понимаешь, почему Нестеров знал?

Кирилл нахмурился, не отвечая.

— Он не угадал. И не увидел сквозь куртку, — Глеб сжал деревянного коня в кулаке. — Этот брелок фонит. Для любого, кто сидит в глубоком фазовом сдвиге, этот кусок дерева горит в пространстве, как сигнальная ракета. Ты таскаешь на себе незакрытую нить отсечения. Через эту вещь Нестеров может вычислить нас где угодно: на конспиратив-

ной квартире, на базе, в толпе. Ты привязал стёртую ветку к нашему миру.

Глеб резко размахнулся, намереваясь швырнуть ключи в разбитое окно, прямо в грязный мокрый снег.

— Стой! — Кирилл перехватил его руку за запястье.

Они замерли друг напротив друга посреди тёмной, разрушенной комнаты, тяжело дыша.

— Выбросишь в окно — и мы никогда не докажем, что это не наш косяк с аппаратурой, — быстро, лихорадочно зашептал Кирилл. — Воронов держит дельту на контроле. Если сейсмограф вечером зафиксирует этот же фон на улице в центре города, за нами придёт внутренняя безопасность. Сова поднимет архивы, проверит камеры в коридоре и сложит два и два. Нас обоих спишут в расход как соучастников Нестерова.

Глеб долго смотрел на напарника. Мышцы на его скулах напряглись, челюсти сжались до скрежета.

— Прячь, — наконец процедил он, опуская руку и возвращая ключи Кириллу. — Во внутренний карман, под экранирующую подкладку. И не вздумай прикасаться к нему голой рукой без перчаток.

Кирилл быстро спрятал фигурку в глухой экранированный отсек на груди, застегнув молнию до упора. Тяжесть в груди никуда не ушла, но дышать стало чуть легче.

— Что с маяком? — Кирилл кивнул на прибор, оставленный Нестеровым на полу у стены.

Глеб подошёл к аппарату, присел на корточки и достал из чехла на поясе портативный фазовый щуп. На облупленном пластиковом корпусе старого «Вектора-4» мерцал единственный жёлтый диод.

— Батарея пуста, матрица выгорела при твоём импульсе, — Глеб аккуратно поддел крышку служебного отсека остриём ножа. — Но накопитель памяти цел. Нестеров не просто так бросил его здесь. Он оставил нам координаты следующего прокола.

— Ловушка?

— Разумеется, ловушка, — Глеб поднялся на ноги, вытащил из разъёма маяка маленькую керамическую плату с кристаллическим модулем и убрал в герметичный свинцовый контейнер. — Он провоцирует нас. Растягивает ресурсы Отдела. Сова бросит на поиск все свободные группы, начнётся паника. А когда система начнёт захлебываться — Нестеров ударит по главному фазовому узлу города.

Глеб подошёл к лестничному пролёту, поднял с пола кейс остывающего стабилизатора и проверил пломбы.

— Собирай сбрасыватель. Уходим через чёрный ход со двора. В рапорте для Совы — ни слова о фигурке и о том, что Нестеров с нами говорил. Мы зашли, зафиксировали пробой шестого класса, провели штатное отсечение, объект ушёл в фазовый прыжок до замыкания контура. Понял?

— Понял, — кивнул Кирилл, защёлкивая фиксаторы на кофре своего излучателя.

Они спустились по скрипучей чёрной лестнице старого дома. Во дворе было пусто — лишь серый ветер гонял по лужам палые мокрые листья вперемешку с крупой первого снега.

Сев в машину, Глеб бросил кейс на заднее сиденье и повернулся к Кириллу, прежде чем завести мотор.

— И последнее, — произнёс он, глядя строго вперёд на залитое каплями лобовое стекло. — Если я замечу, что ты колеблешься перед тем, как нажать тумблер... хоть на полсекунды... я нажму его сам. Вместе с тобой. Уяснил?

— Уяснил, — тихо ответил Кирилл.

Машина тронулась с места, разрезая колёсами стылые осенние лужи, и растворилась в бесконечном потоке серого города, который пока ещё не знал, что его реальность держится всего на нескольких тонких швах.

# Глава 3 Протокол первичной фиксации

*«Легче всего поверить в ложь, когда правда  
требует от тебя невозможного»*

Служебный седан стоял в глухом тупике за полузаброшенной котельной, в трёх кварталах от улицы Белинского. Дворники замерли на середине стекла. Снаружи хлестал косой холодный дождь вперемешку со снегом, превращая лобовое стекло в мутную водяную стену.

Глеб не глушил двигатель, но выключил фары и приборную панель, погрузив салон в полумрак. Из-под водительского сиденья он достал плоский металлический кейс с автономным полевым дешифратором — аппаратом без сетевых модулей, работающим на изолированных кристаллических шинах.

— Доставай контейнер, — негромко скомандовал Глеб.

Кирилл вынул из нагрудного кармана свинцовый пенал, отвинтил крышку и пинцетом извлек керамическую плату с кристаллическим модулем, выдернутую из маяка Нестерова. Кристалл тускло мерцал в полутьме глубоким ультрамариновым цветом.

Глеб вставил модуль в приёмный слот дешифратора. Экран прибора моргнул зелёным, по нему побежали строч-

ки двоичного кода, взламывая устаревшие алгоритмы шифрования десятого года.

— Это не просто память маяка, — вглядываясь в бегущие символы, произнёс Глеб. Его голос был напряжён до предела. — Здесь прямой слепок данных. Нестеров знал, кто придет на вызов.

Экран мигнул, строки кода свернулись, и в центре появилось текстовое сообщение без заголовка:

«Здравствуй, Глеб. Если ты читаешь это, значит, мальчик всё ещё жив, а белый конь лежит под кевларом. Ты всю жизнь рубил ветки, веря, что спасаешь ствол. Но у меня для тебя плохая новость: ствола никогда не существовало. Спустись в архив нулевого цикла на объекте «Шарташ». Посмотри протокол первичной фиксации от 14 октября 1998 года. Узнай, что вы на самом деле охраняете».

Ниже высветились шестнадцатеричные ключи доступа и географические координаты: заброшенный подземный бункер узла спецсвязи на восточной окраине города, законсервированный ещё в конце девяностых.

Кирилл почувствовал, как по спине пробежал мороз.

— Что такое протокол первичной фиксации? — тихо спросил он.

Глеб не ответил. Он сидел неподвижно, уставившись на светящийся экран, а пальцы на коленях сжались в кулаки.

— В уставе Отдела сказано, что базовая ветка — это естественная хронология, — глухо заговорил Кирилл. — Что все

проколы — это аномалии, искусственные наросты, которые разрушают законы физики. А Нестеров пишет...

— Нестеров может писать любую ересь, чтобы развалить Отдел изнутри, — жёстко оборвал Глеб, но в его голосе впервые не было прежней несокрушимой уверенности. Он нажал комбинацию клавиш, стирая расшифрованный текст, и выдернул кристалл из слота. — Мы едем на базу. Сдаём рапорт. Ни единого слова, ни одного лишнего движения. Если Сова почует неладное — из бункера мы уже не выйдем.

Входной контроль на уровне «минус три» проходил в режиме повышенной готовности. В шлюзе дегазации дежурили двое бойцов внутренней безопасности в тяжёлых фазовых экзоскелетах, с автоматическими карабинами на изготовку.

— Стоять, — скомандовал старший патруля, опуская рамку ручного сканера.

Кирилл затаил дыхание. Под экранированной подкладкой его куртки четырнадцать граммов дерева и латуни казались раскалённым слитком свинца. Сканер скользнул по его плечам, груди, опустился к поясу...

Стрелка на приборе патрульного нервно дернулась к жёлтой отметке.

— Что в левом нагрудном? — резко спросил боец, прищурившись.

В ту же секунду Глеб с грохотом уронил тяжёлый кейс стабилизатора на металлический пол шлюза. Раздался резкий

электрический треск, посыпались искры — клемма внешнего заземления задела силовую кабель рамки.

— Чёрт, защелка сорвалась, — раздраженно выругался Глеб, перекрывая звук зуммера. — Подними щиток, боец, пока стабилизатор обратным током не выжгло! Ты знаешь, сколько стоит замена полевого конденсатора?

Патрульный отвлекся, чертыхаясь и отступая от снопа искр, а Кирилл плавно шагнул за линию контроля.

— Проходите быстрее, — махнул рукой второй охранник, помогая напарнику справиться с замкнувшим щитком. — Наверху Сова уже всех на уши поставил.

В аналитическом отсеке царил хаос. Воронов сидел перед главной консолью в окружении троих стажеров. На круговой карте города пульсировали уже три новые оранжевые точки.

— Принимай аппаратуру, — Глеб выставил кейс на стол. — На Белинского отработали чисто. Пробой шестого класса, источник ликвидирован сбросом контура. Нестеров ушёл в фазовый скачок за секунду до смыкания.

Воронов даже не стал подключать кабель сбрасывателя к глубокой диагностике — он лишь мельком взглянул на логгер Кирилла и шлёпнул электронную печать в журнал: — Верю. Не до калибровки сейчас. Видите, что творится? — аналитик указал на пульсирующую карту. — Он бьёт сериями. Одновременно три сектора: Уралмаш, Вторчермет и Железнодорожный. Все группы на выезде. Сова требует к себе, живо.

В кабинете начальника сектора висел густой сизый дым. Полковник Савельев стоял у панорамного экрана, заложив руки за спину. Его седая короткая стрижка казалась металлической щеткой в тусклом свете ламп.

— Докладывайте, — не оборачиваясь, бросил Сова.

— Объект ушёл, товарищ полковник, — чётко доложил Глеб. — Использовал маяк как приманку. Имитировал замкнутую ветку с фантомами погибших. После импульса сбрасывателя структура аннигилировала полностью.

Савельев медленно повернулся. Его круглые немигающие глаза вперились в Кирилла. Взгляд был тяжёлым, давящим, словно пресс.

— Он говорил с вами?

— Нет, — не моргнув глазом, соврал Кирилл, глядя прямо в переносицу начальника. — При появлении группы сразу активировал аварийный прыжок.

Сова молчал несколько долгих секунд. Тишина в кабинете давила на уши сильнее фазового отката. Затем полковник подошёл к столу и бросил перед напарниками пластиковую карту с красной диагональной полосой — допуск высшей категории.

— Все оперативные двойки связаны боями на периферии, — глухо произнес Сова. — Нестеров растянул наши силы. Но его главная цель не жилые кварталы. Аналитики вскрыли логику его перемещений. Он движется к законсервирован-

ному узлу «Шарташ».

Сердце Кирилла пропустило удар. Глеб даже бровью не повёл.

— Зачем ему старый узел связи? — ровным тоном спросил Глеб.

— Там находится резервный архив нулевого цикла, — отчеканил Савельев. — Серверы, на которых хранятся первичные матрицы калибровки реальности. Если он взломает шифры и перезапустит центральный ретранслятор, город накроет волна спонтанного распада. Ваша задача — перехватить

Нестерова на объекте до того, как он войдет в главный терминал. Приказ один: ликвидация на месте. Никаких переговоров.

Полковник сделал паузу и вновь окинул их тяжёлым, сканирующим взглядом: — Получите в арсенале боевые фазовые излучатели десятого класса. И помните: если узел падет, базовой реальности больше не будет.

Служебный автомобиль мчался сквозь ночную метель по разбитой грунтовке в сторону лесного массива у озера Шарташ. Фары выхватывали из темноты заснеженные сосны и старый забор из колючей проволоки.

В салоне стояло глухое молчание. На коленях Кирилла лежал тяжёлый штурмовой излучатель, а под курткой, прижатый к ребрам, тихо пульсировал едва уловимым теплом бе-

лый деревянный конь.

— Ты веришь Сове? — нарушил тишину Кирилл.

Глеб не повернул головы, вглядываясь в скользкую колею:  
— Сова защищает Систему. Он делает то, для чего его создали.

— А что защищаем мы, Глеб? Если ствола действительно нет? Если наша серая, убогая жизнь с вечными смертями и трагедиями — это просто одна из отрезанных веток, которую кто-то запер в контур двадцать восемь лет назад?

Машина резко затормозила перед массивными гермоворотами заброшенного бункера. Замок на воротах был срезан термическим зарядом — металл вокруг ещё слабо светился багровым жаром.

Нестеров уже был внутри.

Глеб заглушил мотор, снял с предохранителя оружие и посмотрел Кириллу прямо в глаза. В темноте салона его лицо казалось высеченным из гранита, но в глубине зрачков впервые горел опасный, лихорадочный огонь.

— Сейчас мы зайдем внутрь, — тихо, но отдельно произнес Глеб. — Найдем терминал архива и введем ключи Нестерова. Мы своими глазами увидим протокол девяносто восьмого года. А потом решим, в кого стрелять.

Он распахнул дверь навстречу ледяному ветру: — Пошли, Кирилл. Назад дороги больше нет.

Ледяной ветер, ворвавшийся в приоткрытые створки гер-

моворот, пахнул сыростью, ржавым железом и застарелым озоном.

Спуск в подземный комплекс «Шарташ» представлял собой длинную наклонную шахту с аварийными лестничными маршами. Тяжёлые ступени под армейскими ботинками оперативников глухо вибрировали. Чем глубже они спускались, тем сильнее менялась физика пространства: воздух становился плотным, вязким, словно разбавленным жидким стеклом, а свет подствольных фонарей ложился на стены неестественно ровными, прямоугольными пятнами.

— Держи сектор, — шепнул Глеб, спускаясь спиной вперёд и контролируя верхний пролёт.

Кирилл вскинул тяжёлый боевой излучатель десятого класса. Прибор был втрое массивнее стандартного полевого сбрасывателя: толстый титановый кожух, сдвоенные конденсаторы прямого разряда и экранированный прицельный блок. Под курткой, прямо напротив сердца, деревянный брелок коня нагрелся до температуры человеческого тела и слабо вибрировал в унисон с подземными генераторами бункера.

Они преодолели шлюзовую камеру четвёртого горизонта. На стене под слоем пыли виднелась выцветшая трафаретная надпись: «ОБЪЕКТ 13-Б. АРХИВ ПЕРВИЧНЫХ МАТРИЦ. ВХОД ТОЛЬКО ПО ФАЗОВОМУ ПРОПУСКУ ГРУППЫ «АЛЬФА»».

Дверь в главный серверный зал была распахнута настежь.

За ней открывалось колоссальное помещение, уходящее во тьму: сотни массивных стоек с кристаллическими накопителями, оплётёнными толстыми жгутами кабелей. Большинство секций стояло обесточенными, но в самом центре зала, под куполом из переплётённых охлаждающих труб, мягким бирюзовым светом горел круглый терминал управления.

У пульта стоял Нестеров.

Он не оборачивался, хотя шаги оперативников по металлическому настилу гулко разносились по всему залу. Его пальцы, окутанные мерцающей фиолетовой дымкой фазового распада, быстро скользили по сенсорной панели, вводя длинные цепочки команд.

— Вы опоздали ровно на четыре минуты, Глеб, — не поворачивая головы, произнёс Нестеров. Его голос эхом отразился от сводов бункера, дробясь на сотни затухающих повторов. — Дешифратор снял защитные протоколы. Матрица открыта.

Глеб медленно шагнул вперёд, держа ствол излучателя на уровне груди бывшего напарника: — Руки от пульта, Нестеров. Шаг назад.

Нестеров медленно развернулся. В бирюзовом свечении терминала его лицо казалось маской покойника — черты сгладились, сквозь тонкую кожу на скулах просвечивали мерцающие геометрические линии вероятностных нитей.

— Ты всё ещё думаешь, что исполняешь долг? — он горько усмехнулся и указал рукой на гигантский панорамный

экран над терминалом. — Посмотри сам. Ты ведь за этим пришёл.

Глеб не опустил оружия, но его взгляд метнулся вверх. Кирилл подошёл ближе к пульту, не сводя глаз с экрана.

Над стойками серверов развернулась трехмерная голограмма временного дерева.

Кирилл затаил дыхание. Вся теория Отдела строилась на постулате о мощном, прямом «стволе» — базовой реальности, от которой лишь изредка отпочковывались паразитные, нестабильные ветки-аномалии.

Но на экране всё выглядело иначе.

Голограмма показывала широкую, сияющую крону сотен переплетённых миров, которая тянулась из глубины веков. А затем, на отметке 14.10.1998, крона обрывалась.

В этот день произошла катастрофа — глобальный вероятностный разрыв, уничтоживший исходный таймлайн. Чтобы не погибнуть в хаосе абсолютной сингулярности, первые основатели Тринадцатого отдела в панике замкнули аварийный контур вокруг самой мёртвой, самой узкой и бесплодной ветки — той единственной, где законы физики были предельно упрощены, эмоции приглушены, а будущее предопределено серым угасанием.

ПРОТОКОЛ ПЕРВИЧНОЙ ФИКСАЦИИ № 0001  
СТАТУС: ИСКУССТВЕННОЕ УДЕРЖАНИЕ СЕКТОРА.  
ИТОГ: ВСЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЕТВИ ПОДЛЕЖАТ  
ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ АННИГИЛЯЦИИ ДЛЯ ПОДПИТКИ

## ЭНЕРГИИ БАЗОВОГО КАРМАНА.

— Понимаешь теперь? — тихо заговорил Нестеров, глядя на побелевшее лицо Глеба. — Мы не лечим мир. Наш Отдел — это просто аппарат искусственного дыхания для трупа. Наша «база» не способна существовать сама по себе. Чтобы этот город жил в своей серости, Отдел каждый день выжигает живые, теплые, цветущие ветки и скармливает их энергию несущему контуру! Квартира сорок восемь, девочка за роялем, моя сгоревшая дача — это были не ошибки физики. Это были настоящие миры, которые пытались прорасти сквозь асфальт, а мы их методично вырезали под корень!

Глеб стоял неподвижно. Руки со штурмовым излучателем начали мелко дрожать — впервые за десять лет службы.

— Если мы снимем контур, — голос Глеба звучал глухо, как из могилы, — город рассыплется. Наша ветка схлопнется за секунды. Погибнут миллионы.

— Они не погибнут, — Нестеров сделал шаг вперёд, протягивая руку к главному тумблеру перезагрузки матрицы. — Они просто вернутся в крону. Да, этот искусственный бетонный рай исчезнет. Но каждый получит свой настоящий шанс. Без Отдела. Без зачисток. Без тумблеров смерти.

— Или не получит ничего, — раздался за их спинами сухой, скрипучий голос.

В дверном проёме шлюза, опираясь на трость с тяжёлым набалдашником, стоял полковник Савельев. За его спиной застыли шестеро оперативников внутренней безопасности в

тяжёлой штурмовой броне. Их излучатели были наведены в центр зала.

Сова медленно вошёл в бирюзовый круг света. Его круглые немигающие глаза скользнули по экрану, затем по Нестерову и, наконец, остановились на Кирилле и Глебе.

— Вы разочаровали меня, Глеб, — негромко произнёс полковник. — Я отправил вас сюда не изучать историю, а закрыть брешь. Вы слишком долго смотрите в бездну.

— Ты знал, — прохрипел Глеб, медленно поворачивая ствол излучателя в сторону начальника Отдела.

— Ты с самого начала знал, что мы сторожим морг.

— Я защищаю порядок, — ледяным тоном отрезал Савельев. — Порядок — это предсказуемость. Люди в нашем секторе просыпаются, идут на работу, хоронят близких, страдают и умирают по понятным, неизменным законам. Их боль стабильна. А «крона» Нестерова — это бесконечный хаос надежд и разочарований. Я не позволю вернуть безумие туда, где наконец-то наступила тишина.

Сова поднял руку в чёрной перчатке: — Ликвидировать всех троих. Перезапустить архивацию контура.

— Кирилл, держи контур! — взревел Глеб, нажимая на спуск своего излучателя.

Зал разорвало ослепительным грохотом фазовой канонады. Снопы бело-голубого пламени ударили по стойкам серверов, вздымая тучи искр и горящего пластика. Глеб бросился наперерез штурмовикам, поливая входной шлюз непре-

рывным огнём разрядов.

— Кирилл! Жми на терминале красную клавишу! — крикнул Нестеров, падая на колено под градом рикошетов и прикрывая пульт мерцающим энергетическим щитом. — Сними фиксацию девяносто восьмого года!

Кирилл метнулся к терминалу. Пули и фазовые лучи вспарывали металл в считанных сантиметрах от его головы.

Под экранированной штормовкой деревянный конь буквально пылал. Кирилл выхватил брелок свободной рукой — и дерево вспыхнуло чистым, ослепительно белым светом, вступив в мгновенный резонанс с ядром терминала.

На экране высветилась последняя строка запроса системы:

**ПОДТВЕРДИТЕ СБРОС ИСКУССТВЕННОГО ТАЙМ-ЛАЙНА. ВНИМАНИЕ: СТРУКТУРА БАЗОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ БУДЕТ УНИЧТОЖЕНА.**

Сквозь грохот перестрелки Кирилл слышал сдавленный вскрик: Глеб осел на металлическую решетку пола, зажимая пробитое фазовым лучом плечо, но продолжал отстреливаться из табельного пистолета. Савельев стоял в пяти метрах, поднимая личный излучатель и целясь Кириллу прямо в лоб.

— Не смей, сынок, — тихо, но отчетливо произнёс Сова сквозь шум боя. — За чертой нет ничего, кроме бури.

Кирилл посмотрел на горящего белым светом коня в своей руке, затем на окровавленного напарника и на светящуюся

ся клавишу сброса.

Пальцы Кирилла опустились на клавишу...

# Глава 4 Терминал

*«Можно стереть имя в личном деле, Кирилл, но дерево помнит прикосновение детской руки.»*

Палец Кирилла едва коснулся шершавого пластика клавиши, когда воздух перед глазами с сухим щелчком раскололся.

Савельев не стрелял в него. Старый полковник мгновенно понял, что не успеет пробить траекторию до контакта — и ударил фазовым лучом вниз, прямо под основание стойки. Сноп бело-фиолетовой плазмы вгрызся в толстый, в руку толщиной магистральный кабель охлаждения и кристаллическую шину контура. Раздался оглушительный визг рвущегося под колоссальным напряжением металла, веер ослепительных искр взметнулся к потолку, и автоматический процесс сброса матрицы подавился на полутакте.

Цепь разомкнулась.

Вместо ровной волны рассеивания в центре зала бункера «Шарташ» мгновенно вздулась чёрная, дрожащая каверна аварийного срыва. Пространство взвыло, засасывая воздух, битое стекло и обломки пластика.

Кирилла сбило с ног чудовищным перепадом давления. Он успел лишь увидеть, как Савельева отшвырнуло взрывной волной на стальной настил, как Глеб, зажимая пробитое

плечо, отчаянно тянется к нему здоровой рукой, крича что-то сквозь вой сирены — а в следующую секунду Нестеров с глухим рыком рванулся вперед, вцепился Кириллу в воротник штормовки, и их обоих сжало, вывернуло и швырнуло в абсолютное, беспросветное ничто.

Зал бункера накрыла мёртвая, звенящая тишина.

В воздухе висели клубы удушливой гари и пахло жженой изоляцией. Аварийное освещение еле тлело тусклым багровым светом. В центре зала зияла рваная оплавленная воронка — ни терминала, ни управляющего пульта, ни Кирилла с Нестеровым больше не было. Только голый обугленный бетон с торчащими жилами перебитой арматуры.

Глеб лежал на спине, тяжело хватая ртом перегретый едкий воздух. Каждое движение отдавалось раскаленным железом в левом плече, форменная куртка насквозь пропиталась липкой кровью. Табельный пистолет валялся в двух метрах, выбитый ударной волной.

Тяжёлые шаги армейских ботинок по металлической крошке эхом разнеслись под сводами.

Над Глебом выросли фигуры штурмовиков внутренней безопасности. Прежде чем он успел дернуться, два тяжёлых бронированных сапога прижали его здоровую руку к полу. Щелкнули замки — запястья стянуло широкими титановыми браслетами полевых экранирующих наручников. Запястья мгновенно онемели: встроенные индукционные конту-

ры блокираторов намертво глушили любую фазовую проводимость тела.

Опираясь на трость, к нему не спеша подошёл Савельев. На лице полковника белели свежие ссадины, форменный китель был покрыт цементной пылью, но взгляд серых немигающих глаз оставался пугающе, хирургически спокойным.

— Поднять его, — негромко приказал Сова.

Штурмовики рывком вздернули Глеба на ноги, привалив спиной к уцелевшей стойке сервера. Глеб стиснул зубы, сдерживая стон — в глазах на секунду потемнело от острой вспышки боли в раненом плече.

Савельев остановился в полушаге, разглядывая подчиненного. В зрачках полковника не было гнева. Там плескалось холодное, тяжёлое разочарование.

— Десять лет службы, Глеб, — тихо произнес Савельев. Его голос мерно отдавался от бетонных стен. — Лучшие показатели сектора. Безупречная дисциплина. И ты подпустил беглого психопата к нулевому архиву. Прикрывал мальчишку, когда он тащил в бункер фонащую дрянь.

— Мальчишка нажал клавишу, — хрипло вытолкнул Глеб, сплевывая на пол темную кровь. — А ты перебил кабель. Струсил, Сова? Побоялся, что твой склеп наконец-то проветрится?

Лицо Савельева не дрогнуло. Он лишь медленно поднял трость и упер её стальной набалдашник прямо в край свежей раны на плече Глеба.

Боль прошла тело до самого позвоночника. Глеб зашипел сквозь зубы, но взгляда не отвёл.

— Не приписывай трусости расчёту, капитан, — почти ласково проговорил полковник, слегка надавливая на металл. — Если бы я не срубил магистраль, этот бункер и половину города сейчас размазало бы по вероятностному вектору. А теперь слушай внимательно. Твой стажер ушёл в фазовый срыв вместе с Нестеровым. Кристаллическая память терминала выгорела, но логгеры аварийной синхронизации зафиксировали вектор выброса. Куда Нестеров увёл Кирилла? На какой узел они замкнули сброс?

— Пошёл к черту, — глухо бросил Глеб, глядя полковнику прямо в переносицу. — Ты видел протокол девяносто восьмого года не хуже меня. Ты всю жизнь выжигал живых людей, чтобы прикрыть собственную задницу. Я тебе больше не подчиняюсь.

Савельев убрал трость. Пальцы в чёрной кожаной перчатке безгласно стряхнули каплю крови с рукояти.

— Ты подчиняешься не мне, Глеб. Ты подчиняешься законам сохранения массы. И ты заговоришь. На «минус четвертом» ещё ни один офицер не сохранил молчания дольше шести часов.

Полковник повернулся к штурмовикам:

— В изолятор глубокого горизонта. Блок «Б». Вколоть двойную дозу стабилизатора и заблокировать сенсорную стимуляцию. Лично приду через три часа, когда химия рас-

творит его армейское упрямство.

Глеба поволокли к выходу. Носки его ботинок чертили две борозды в цементной пыли разрушенного бункера. Но даже сквозь накатывающую волну болевого шока в голове билась одна упрямая мысль: Кирилл жив. Если бы его разорвало, выброс выжег бы бункер целиком. Они ушли. И пока Кирилл жив — эта серая клетка обречена.

Кирилл очнулся от того, что перестал чувствовать собственное дыхание.

Воздух не двигался. В нем не было ни холода осенней метели, ни запаха горелого пластика из бункера. Он был абсолютно сухим, неподвижным и пах пылью старых нежилых комнат, сухой полыньёю и выдохшимся воском.

Кирилл судорожно вдохнул, кашляя и упираясь ладонями в поверхность под собой.

Пальцы нащупали не бетон бункера и не металлический настил серверной. Под руками были шершавые, серые от времени деревянные доски старого помоста.

Кирилл с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, как после предельной дозы нейростабилизатора, в ушах стоял тонкий стеклянный звон. Он машинально хлопнул себя по груди: боевой излучатель на месте, тяжёлая мембранная штормовка цела, а во внутреннем экранированном кармане...

Кирилл сунул руку под молнию. Пальцы сомкнулись во-

круг деревянной фигурки. Белый конь больше не жег кожу и не мерцал — он лежал на ладони мёртвым, холодным куском полированного лакированного дерева.

Кирилл поднял глаза и замер.

Вокруг не было стен. Не было потолка. Не было неба.

Над головой нависал бесконечный, ровный купол тусклого пепельного марева — без солнца, без звезд, без единого облака, словно гигантская молочно-серая лампа дневного света, застывшая в полупозиции. Горизонт терялся в густой неподвижной дымке.

Но самое страшное было под ногами.

Пространство вокруг представляло собой циклопическое лоскутное одеяло, сшитое из обломков, которые никогда не должны были встретиться.

Кирилл стоял на дощатом причале. В метре от его ног чернела абсолютно неподвижная, маслянистая гладь воды, в которой не отражалось ничего, кроме серого неба. Слева помост упирался в кусок бетонной платформы железнодорожной станции с облупленной табличкой «Шарташ». Чуть дальше, прямо из влажного торфяного грунта, торчал угол кирпичной пятиэтажки с обрезанными, оплавленными краями плит, из которых свисали мёртвые провода.

А прямо перед ним, за низким покосившимся штакетником, на досках которого ещё держались потёртые мазки синего мела, стоял дом.

Двухэтажная бревенчатая дача из потемневшего от до-

ждей бруса. С резными наличниками на окнах, с пристроенной застекленной верандой и старой жестяной водосточной трубой. На втором этаже занавеска была слегка заломлена, будто кто-то только что отошёл от окна.

На крыльце стоял трехколесный детский велосипед с облезлой красной краской на крыльях. А на досках нижней ступени синели и желтели полусмытые полосы цветных детских мелков.

Память Кирилла мгновенно выбросила слова Глеба из машины:

«Обычный прокол на окраине. Заходим — а там его дом. Тот самый, целый и невредимый. И дочь сидит на крыльце, рисует мелками...»

Кирилл попятился, едва не оступившись с досок причала в чёрную воду.

— Не упади, — раздался с веранды спокойный, чуть хриплый голос. — Глубины там нет, но дна ты не найдешь. Вытаскивать потом замучаешься.

Скрипнула старая деревянная дверь.

На крыльцо вышел Нестеров.

Он был без форменного длинного пальто — в старом сером свитере крупной вязки с закатанными рукавами, в простых армейских штанах и стоптанных ботинках. Но главное, что бросилось Кириллу в глаза — его лицо.

Тонкие фиолетовые прожилки фазового распада на висках и шее больше не мерцали ядовитым светом. Они поблед-

нели, превратившись в едва заметные белесые нити, похожие на старые рубцы. Движения Нестерова стали мягкими, плавными, исчезла пугающая задержка в голосе. Здесь, в этой мёртвой тишине, он выглядел живее, чем в городе.

— Где мы? — выдавил Кирилл пересохшим горлом, не опуская руки от кобуры. — Где Глеб?

Нестеров не спеша спустился по ступеням, перешагнул через детский велосипед и подошёл к штaketнику, опершись ладонями на шершавые перекладыны.

— Глеб остался у Совы, — ровно ответил он. В его взгляде промелькнула тень усталой горечи. — Савельев срезал магистраль за долю секунды до того, как твой палец продавил контакт. Он опытный зверь, знает, куда бить. Сброс захлебнулся.

— Куда нас выбросило?! — Кирилл сделал шаг вперед, обводя рукой сюрреалистичный пейзаж из обломков зданий, рельсов и неподвижной воды. — Это что, одна из твоих веток?

Нестеров коротко, невесело усмехнулся:

— Ветка? Нет, мальчик. Ветки — они живые. Там дует ветер, там сменяются времена года, там люди смеются, рожают детей и умирают своей смертью. А это... — он обвёл взглядом серый купол, — это технический карман. Буфер обмена. Сортировочная станция между слоями реальности. Я называю это место Терминалом.

Нестеров толкнул калитку. Та жалобно скрипнула ржавы-

ми петлями.

— Когда Отдел проводит отсечение, обыватели думают, что материя аннигилирует в ноль, — продолжил Нестеров, выходя на дощатую дорожку. — Воронов на своих экранах рисует красивые нулевые графики. Но энергия никуда не исчезает, Кирилл. Нельзя просто так стереть кусок ткани пространства и сделать вид, что его не было. Все эти мелкие «хвосты», погрешности в четырнадцать граммов, куски зданий, не сгоревшие в контуре — Отдел годами сбрасывал их сюда, как строительный мусор за забор.

Кирилл смотрел на дом. На потемневшие бревна, на занавеску на втором этаже.

— Твоя дача... — прошептал он, начиная складывать куски мозаики. — Семь лет назад...

— Да, — Нестеров остановился напротив Кирилла. — Семь лет назад, когда Глеб по приказу Совы нажал тумблер сбрасывателя, я замкнул на себя аварийный накопитель. Произошёл критический перегруз матрицы. Отдел думал, что меня распылило на протоны. А меня просто вышвырнуло сюда вместе с моим домом. Со всем, что я пытался удержать.

Кирилл сжал кулаки. Дрожь в пальцах выдавала панику, которую не мог скрыть даже профессиональный самоконтроль:

— Значит, ты семь лет жил здесь? На этой свалке?

— Жил? — Нестеров горько прищурился. — Жизнью это

назвать трудно. Здесь нет времени, Кирилл. Часы стоят. Вещи не стареют, вода не течёт. Но здесь есть остаточная энергия сотен незакрытых ветвей. Семь лет я вручную перебирал обломки списанной аппаратуры, которую сюда выбрасывало после ваших зачисток. Собрал свой первый портативный маяк. Потом второй. Я научился пробивать фазовые мембраны снизу вверх — выходить в базовый сектор города и давать людям шанс вернуть то, что у них отнял Савельев.

Кирилл резко мотнул головой:

— Ты не понимаешь! Глеб ранен. Если он остался в бункере, Савельев его уничтожит. Сова знает, что мы были в сговоре. Он сотрет ему память, пустит под нож!

— Глеба не сотрут, — холодно отрезал Нестеров. — По крайней мере, сейчас. Сова слишком расчетлив. Архив нулевого цикла ушёл в аварийную блокировку после среза кабеля. Савельев не знает, куда нас выбило, и не знает, на какой частоте завис терминал. Единственная нить, которая связывает его с нами — это Глеб. Он будет держать его на «минус четвертом», пока не выжмет все до последней капли.

Нестеров подошёл вплотную. Его взгляд стал острым, цепким, проникающим под кожу:

— У нас мало времени, Кирилл. Терминал не держит живых бесконечно. Через пару суток здешний статический фон начнет вытягивать из тебя массу — превратит в такой же застывший манекен, как этот дом.

— Как отсюда выбраться? — прямо спросил Кирилл, гля-

для Нестерову в глаза. — Если Савельев заблокировал терминал на Шарташе, как вернуться назад?

Нестеров медленно опустил взгляд на карман штормовки Кирилла:

— Прямого пути нет. Дверь закрыта с той стороны. Но у нас есть проводник.

Кирилл невольно прижал ладонь к груди, чувствуя под кевларом контуры деревянной фигурки.

— Белый конь? — нахмурился он. — Но он погас. Он больше не фонит.

— Он спит, — Нестеров развернулся и махнул рукой в сторону дома. — Потому что здесь нет несущей волны. Но в нем зашита частота той самой квартиры номер сорок восемь. Если мы сможем запитать его через остаточный генератор моего дома и поймать служебный радиоканал Отдела... мы сможем постучаться в голову Глеба.

Кирилл вздрогнул:

— В голову?

— В его чип, — жёстко произнес Нестеров, поднимаясь на крыльцо дачи. — Перед допросом Сова накачает его препаратом под завязку. А чип на затылке Глеба настроен на служебную частоту «двойки» — на твой собственный приемник, Кирилл. Если мы пробьём канал, Глеб станет нашим маяком изнутри изолятора.

Нестеров взялся за дверную ручку и обернулся через плечо:

— Заходи в дом. Пора собирать контур. Либо мы вытащим Глеба и доведем перезагрузку до конца, либо останемся здесь экспонатами на вечность. Кирилл переступил порог, чувствуя, как деревянные ступени под тяжестью его армейских ботинок отзываются сухим, приглушенным скрипом.

Внутри дачи стояла та самая вязкая, законсервированная тишина, которая бывает в домах, покинутых хозяевами лишь на несколько минут. На вешалке в прихожей висела легкая женская ветровка цвета топленого молока, а внизу аккуратно стояли крошечные резиновые сапожки с нарисованными жёлтыми утятами. Пахло сушеными яблоками, старыми книгами и едва уловимым ароматом женских духов. Никакой пыли. Время здесь не оседало серым налетом — оно просто замерло на отметке семь лет назад.

На стене в деревянной рамке висела фотография под стеклом: молодой, улыбающийся Нестеров в расстегнутой рубашке держит на плечах пятилетнюю смеющуюся девочку с двумя светлыми косичками, а рядом смеется женщина с темными волосами, щурясь от яркого солнца.

Кирилл отвёл взгляд. Смотреть на это было почти физически больно — особенно после того, как он сам накануне хладнокровно выжигал квартиру сорок восемь.

— Не разувайся, — бросил Нестеров, проходя вглубь просторной комнаты, служившей одновременно гостиной и лабораторией. — Половицы крепкие, не провалишься.

Обстановка в комнате резко контрастировала с дачным

уютом прихожей. Большой обеденный стол был завален разобранными электронными платами, медными катушками, измерительными приборами кустарной сборки и деталями фазовых излучателей. В углу мерно, почти беззвучно пульсировал самодельный генератор, собранный из трех списанных аккумуляторов «Вектора-4», оплетенных толстыми экранирующими шинами. От него тянулись провода к массивному медному индуктору, установленному прямо на полированной крышке старого пианино.

— Доставай коня, — Нестеров указал подбородком на свободный край стола, щелкнув тумблером паяльника. — И садись.

Кирилл расстегнул внутренний карман штормовки и выложил деревянную фигурку на текстолитовую подложку. В мёртвом, неподвижном воздухе Терминала фигурка казалась обычным куском полированного лака — никакой магии, никаких аномалий.

— Объясни мне нормально, Нестеров, — потребовал Кирилл, уперевшись кулаками в край стола. — Как кусок дерева из чужой зачищенной ветки может связать нас с закрытым изолятором Отдела? У Воронова на приеме аппаратуры дельта массы была четырнадцать граммов. Четырнадцать граммов дерева! Это не передатчик, у него нет микросхем.

Нестеров аккуратно взял фигурку двумя пальцами, поднёс к глазам и повертел, разглядывая сколотое ухо:

— Обывательская логика, вбитая тебе на курсах подго-

товки Отдела. Сова учил вас, что физический объект — это просто атомная решетка. Но фазовая физика работает иначе. Этот конь — не просто четырнадцать граммов древесины. Это узел сингулярности.

Нестеров положил фигурку в центр медного кольца индуктора:

— Тот мужчина в сорок восьмой квартире... Он не просто страдал. Он вложил в эту вещь столько эмоциональной и ментальной энергии, пытаясь удержать своего мёртвого пацана, что превратил обычный брелок в фазовый якорь. А когда ты сбил его плечом и вынес за границу контура до схлопывания, ты нарушил баланс сохранения массы. Этот конь остался в твоём кармане, но его вероятностный след тянется прямо в точку отсечения.

— Но квартира сорок восемь аннигилирована, — возразил Кирилл. — Мы выжгли её сбрасывателем до бетона.

— Помещение осталось в базовой ветке, — прищурился Нестеров, подключая щупы осциллографа к медному кольцу. — А главное — протокол зачистки сорок восьмой квартиры закрывал Глеб. Его служебный код, его электронная подпись, его фазовый отпечаток вшиты в логгер того вызова. Нейростабилизатор в его черепе помнит частоту того контура так же чётко, как свой табельный номер.

Нестеров нажал клавишу на генераторе.

Трансформаторы глухо взвыли, воздух вокруг стола завибрировал с тонким звоном быющего хрусталя. Медный

обруч на пианино налился тусклым синеватым свечением, и деревянный конь в его центре слабо, неуверенно дрогнул.

Сколотое ухо фигурки на долю секунды подернулось белой неоновой каймой.

— Есть резонанс, — тихо сказал Нестеров, быстро подкручивая верньеры частоты. Стрелка аналогового вольтметра на панели дрогнула и поползла вправо. — Структура держит заряд. Теперь твоя очередь, Кирилл.

— Моя?

— Снимай куртку. Наклонись над индуктором и прижми ладонь к основанию своего черепа. Туда, где стоит имплант-синхронизатор.

Кирилл замер, чувствуя, как по спине пробежал холодок:

— Ты хочешь пустить ток через мой чип?

— Не ток, а фазовый импульс, — жёстко ответил Нестеров, глядя на него в упор. — Твой чип и чип Глеба работают на спаренной частоте оперативной «двойки». Это стандартный армейский протокол Отдела для координации в зоне нулевой видимости. Сова заблокировал внешние каналы связи базы, но он не может отключить внутричерепной контур, пока Глеб жив. Ты должен позвать его.

— Позвать? Сквозь слои реальности?!

— Сквозь Терминал. По каналу этой деревяшки, — Нестеров протянул Кириллу оголенный провод с зажимом «крокодил». — Если ты струсил сейчас — Глеб сдохнет на «минус четвертом». Сова начнет вводить дестабилизатор па-

мяти через два часа. Когда он закончит, от твоего напарника останется пустая оболочка, пускающая слюни на кафельный пол. Решай, стажер. Время пошло.

Кирилл стиснул зубы.

Он сбросил тяжёлую штормовку на спинку стула, оставаясь в одном тонком чёрном подшлемнике и форменной майке, шагнул к пианино и перехватил холодный провод.

Уровень «минус четыре» под зданием городского БТИ незря называли «могильником».

Здесь не было вентиляционных шахт, выходящих на поверхность — только глухие стены из тяжёлого баритобетона со свинцовой прослойкой, отсекающей любые электромагнитные и фазовые волны. В узких коридорах царил замогильный холод, а тусклые лампы в бронированных плафонах светили грязным желтоватым светом.

Камера номер двенадцать представляла собой глухой каменный мешок два на два метра. Ни нар, ни стула — только голый цементный пол с дренажной решеткой в центре.

Глеб висел на цепях, прикованный к толстым рым-болтам в стене. Руки были разведены в стороны, тяжёлые экранирующие браслеты сжимали запястья до синяков, намертво блокируя любые попытки сконцентрировать импульс. Левое плечо горело адским пламенем — пулевое ранение перевязали на скорую руку грязным бинтом прямо в бункере, и сквозь марлю уже проступило темное липкое пятно.

Дверь камеры со скрежетом отодвинулась.

В проеме показался полковник Савельев. На этот раз он был один, без штурмовиков, но с толстой чёрной папкой под мышкой. В руке Сова держал армейский пневматический инъектор с прозрачной ампулой, заполненной мутной маслянистой жидкостью.

— Тридцать минут до полуночи, Глеб, — ровно произнес Савельев, прикрывая за собой тяжёлую дверь.

— Воронов закончил анализ телеметрии Шарташа. Твой мальчик не погиб. Выброс ушёл в нерасчетную зону.

Глеб с трудом поднял отяжелевшую голову. Спутанные влажные волосы падали на глаза, на разбитой губе запеклась корка.

— Значит... не достал, — прохрипел Глеб, кривя губы в подобии усмешки. — Обломал зубы, старик?

Савельев невозмутимо подошёл ближе, положил папку на металлический выступ стены и щелкнул взводом инъектора:

— Я не злюсь на тебя, Глеб. Ты был лучшим моим оперативником после того, как сломался Нестеров. Но в тебе всегда сидела эта опасная армейская сентиментальность. Ты прикрыл Кирилла на рамке контроля. Ты дал ему нажать кнопку. И ты до сих пор надеешься, что он вернется за тобой.

— Он не вернется, — выдохнул Глеб, сплевывая кровь под ноги полковника. — Он умнее, чем ты думаешь. Он уйдет в крону. А ты сгниешь здесь со своими пыльными протоколами.

Савельев медленно покачал головой:

— В крону уйти нельзя. Её нет. За пределами контура — только хаос и распад, в котором человек растворяется за секунды. Нестеров обрек твоего стажера на мучительную смерть в пустоте. Но у тебя ещё есть шанс спасти хотя бы себя.

Полковник поднял иньектор на уровень глаз Глеба:

— Это чистый нейтрализатор десятой серии. Две дозы — и через десять минут ты забудешь имя Кирилла, забудешь архив девяносто восьмого года, забудешь, что стоял у терминала. Ты вернешься в строй. Я спишу инцидент на диверсию Нестерова. Тебе просто нужно назвать мне аварийный вектор, на который был настроен портативный блок стажера.

— Пошёл... к чёрту, — раздельно произнес Глеб, глядя полковнику прямо в зрачки.

Савельев тяжело вздохнул, шагнул вплотную и приставил рифленый раструб иньектора прямо к сонной артерии капитана:

— Очень жаль, Глеб. Я надеялся, что до этого не дойдет. Палец полковника лег на спусковой рычаг.

И в эту самую секунду в черепе Глеба что-то взорвалось. Не звук. Не боль.

В основание его черепа, прямо в металлический корпус вживленного стабилизатора, ударил раскаленный электрический разряд, пахнувший лаком, сырой известью и чужой, отчаянной тревогой.

В ушах Глеба сквозь шипение контура отчетливо, с пугающей близостью прозвучал знакомый голос:

«Глеб... держись. Не отвечай ему. Мы на даче Нестерова. Мы вытащим тебя».

Глаза Глеба широко распахнулись. Пульс под пальцами Савельева взлетел до предельных значений, индикатор блокиратора на запястье нервно мигнул жёлтым.

Полковник замер, мгновенно уловив изменение состояния арестованного. Его круглые птичьи глаза сузились, уставившись на затылок капитана:

— Что это?.. — прошептал Сова, опуская иньектор и медленно поднимая трость. — На какой волне резонирует твой чип?!

Глеб стиснул зубы так, что хрустнула эмаль, сдерживая стон разрывающего мозг сигнала.

Сквозь кровавую пелену перед глазами он посмотрел на побледневшего начальника Отдела и впервые за эти сутки улыбнулся настоящей, злой, волчьей улыбкой:

— Они идут за тобой, Сова. Прячься.

Лицо Савельева окаменело. Взгляд полковника метнулся от пылающего аварийным светом затылочного импланта Глеба к глухим баритобетонным стенам камеры. Он мгновенно всё понял: произошёл невозможный, запредельный с точки зрения устава инцидент. Сигнал пробил свинцовую защиту глубокого горизонта. Кто-то только что вышел на прямую связь с арестованным прямо сквозь глушители «могиль-

ника».

Они были близко. Они знали, где Глеб. И они готовили прорыв.

Савельев инстинктивно потянулся к служебной рации на поясе, но тут же отдернул руку в перчатке: здесь, на глубине двадцати метров под землёй, физика экранирования работала безупречно и против него самого. Радиоэфир был мёртв. Ни один приказ не уйдёт наружу, пока он сам не поднимется к распределительному узлу.

Полковник медленно убрал иньектор с нейтрализатором во внутренний карман кителя.

— Рано радуешься, капитан, — негромко, с ледяной размеренностью произнёс Савельев. — Сюда ведёт один-единственный бронированный ствол шахты. Если Нестеров с твоим щенком решат заявиться в Отдел — они найдут здесь не тебя. Они найдут шквальный огонь автоматических турелей и встречный аннигиляционный вал.

Он резко развернулся, не тратя больше ни секунды.

Тяжёлая бронированная дверь камеры с глухим рокотом захлопнулась, задвижные ригели встали на упоры. По коридору быстро застучала стальная трость: Савельев спешил к скоростному лифту на «минус второй», чтобы лично объявить красную тревогу, поднять дежурную роту внутренней безопасности и превратить здание БТИ в неприступную фазовую крепость.

Глеб остался один в темноте.

В висках пульсировало эхо голоса Кирилла, а в груди, впервые за все десять лет глухой безнадёжной службы, разгоралось яростное, злое предвкушение.

В доме Нестерова генератор с глухим воем сбросил обороты.

Медное кольцо индуктора на крышке пианино перестало светиться, и в комнате снова воцарился ровный, мертвенный полумрак Терминала.

Кирилл отшатнулся от инструмента, шумно хватая ртом сухой воздух. Ладонь, прижатая к основанию черепа, мелко дрожала: металлический корпус чипа под кожей раскалился так, словно туда приложили горячую монету, а в глазах ещё плясали синие фосфорные вспышки.

— Канал закрылся, — Нестеров с сухим щелчком отсоединил «крокодил» от зажима и быстро записал показания стрелочного амперметра в потрёпанный блокнот. — Импульс прошёл. Ты дотянулся до его чипа.

— Он услышал, — с трудом выговорил Кирилл, вытирая пот со лба рукавом подшлемника. — Я почувствовал ответный резонанс. Но там был Савельев. Сова стоял над ним.

— Савельев не идиот. Он зафиксировал скачок проводимости на чипе Глеба, — Нестеров бросил блокнот на стол и подошёл к окну, глядя на застывшую чёрную воду за штакетником. — Сейчас Сова решит, что мы пойдём на лобовой штурм через главный въездной пандус Отдела. Он поднимет

всех штурмовиков, перекроет шлюзы и заминировует лифтовые шахты.

— И что мы будем делать? — Кирилл подошёл ближе. — Нас двое. У нас нет тяжёлой брони, нет подавителей контура. В лоб мы не пройдем даже до КПП — нас разрежет автоматика на первом же периметре.

— В лоб идут только покойники, — холодно отозвался Нестеров. Он повернулся к Кириллу, и в его глазах блеснул острый, фанатичный огонёк. — Мы заставим Сову вывернуть Отдел наизнанку.

Нестеров развернул на столе старую пожелтевшую кальку — детальную инженерную схему подземных коммуникаций завода и промзоны вокруг БТИ образца конца девяностых.

— Савельев ждёт удара по своей базе. Но больше всего на свете Сова боится не нас. Он боится потери контроля над базовым стволом реальности.

Палец Нестерова с силой ткнул в точку на окраине схемы — законсервированную тяговую подстанцию старой городской ветки в пяти километрах от Отдела:

— Я замкну фазовые генераторы Терминала на контур этой подстанции. Создам колоссальный ложный пробой нулевого уровня. Для датчиков Отдела это будет выглядеть так, словно крона начала стихийный прорыв в город, пробивая защитную оболочку сразу по четырём секторам. Савельев не сможет проигнорировать такую тревогу — протокол первичной фиксации обязывает его лично бросить все свободные

штурмовые группы на локализацию эпицентра.

— База останется без прикрытия, — догадался Кирилл.

— База останется на дежурных операторах и паре часовых у шлюза, — кивнул Нестеров. — Но отвлекающий манёвр — моя работа. Я буду держать ложный пробой на себе, пока генераторы не расплавятся. А вот вытаскивать Глеба пойдёшь ты.

Кирилл нахмурился, вглядываясь в чертёж:

— Через шахту лифта?

— Лифты заблокируют первым делом. Ты пойдёшь через старый технологический коллектор охлаждения — вон он, идёт прямо под дренаж «могильника». Его замуровали ещё во время реформы десятого года, о нём помнят только архивы. Я пробью тебе локальный микросдвиг ровно в эту точку. У тебя будет не больше пятнадцати минут, чтобы вскрыть замок камеры номер двенадцать, сбить блокираторы с Глеба и увести его на точку эвакуации.

План звучал безумно, но пугающе выверено. Нестеров говорил уверенно, по-военному чётко, как и подобает старшему оперативнику.

Но внутри у Кирилла не утихала другая, куда более опасная тревога.

Он опустил взгляд на стол. Там, в центре выключенной катушки индуктора, лежал белый деревянный конь со сколотым ухом. Простой лакированный брелок, который только что пробил свинцовую броню секретного изолятора.

Кирилл медленно протянул руку, взял фигурку и сжал её в кулаке.

Никакого холода. Дерево хранило приятное, живое тепло его собственной ладони. Но вопросы, копившиеся с самого вчерашнего вечера, больше не могли удерживаться под контролем устава.

— Нестеров, — тихо позвал Кирилл.

Тот не обернулся, продолжая выверять координаты на кальке:

— Что?

— Почему эта вещь срезонировала на меня?

Нестеров замер. Грифель карандаша застыл над миллиметровкой.

— Я уже объяснял, парень. Закон сохранения...

— Хватит врать! — голос Кирилла сорвался на жёсткий, колющий металл. — Я стажёр, Нестеров! Я всего год служу в «двойке»! Воронов на приёмке аппаратуры сказал, что контур выжигает всё до микрона. Любой посторонний предмет при зачистке должен был превратиться в радиоактивную золу. А этот конь упал мне прямо в карман. Он не аннигилировал. Он не вызывает у меня фазовой тошноты. Он сработал как ключ на терминале Шарташа!

Кирилл шагнул вперёд, обойдя стол и вставая между Нестеровым и картой:

— Ты семь лет готовил эту операцию. Ты крал стабилизаторы, рассчитывал узлы, конструировал маяки. Скажи мне

правду: почему сорок восьмая квартира? Почему тот старик и тот ребёнок? Зачем ты принёс маяк именно туда?

В комнате повисла тяжёлая, гулкая тишина.

Нестеров медленно выпрямился. Он посмотрел Кириллу в лицо — долго, внимательно, словно пытаюсь разглядеть что-то под маской вымуштрованного оперативника Отдела. В полумраке Терминала его глаза казались глубокими провалами.

— Ты действительно ничего не помнишь, Кирилл? — негромко, почти с жалостью спросил Нестеров. — Сова выжег всё до самого дна?

У Кирилла перехватило дыхание:

— О чём ты?

— Я выбрал сорок восьмую квартиру не для того, чтобы устроить теракт, — тихо сказал Нестеров, убирая карандаш в карман свитера. — И маяк я принёс туда не случайно. Я знал, что Савельев отправит на этот сигнал именно вашу «двойку». Лучшую «двойку» сектора.

Нестеров сделал шаг ближе и указал пальцем на зажатую в руке Кирилла фигурку:

— Я хотел, чтобы ты вернулся домой. Я надеялся, что когда ты переступишь тот порог и увидишь его... ты вспомнишь, чьё имя носил до того, как тебя надели в эту серую штормовку.

Земля словно ушла у Кирилла из-под ног. В ушах тонко, пронзительно зазвенело, а сердце пропустило тяжёлый, глу-

хой удар.

— Что ты несёшь?

— Двенадцать лет назад, — глухо произнёс Нестеров, глядя Кириллу прямо в расширившиеся зрачки.

— Перекрёсток возле гастронома. Сбитый десятилетний мальчик, которого весь город посчитал мёртвым. Твой отец двенадцать лет хранил этот брелок на ключах, Кирилл. Потому что ты сам вырезал его для него перед тем, как Савельев украл тебя из собственной жизни.

Слова Нестерова повисли в неподвижном воздухе комнаты, словно свинцовый груз.

Кирилл стоял неподвижно, не в силах опустить руку с зажатым в ней деревянным конём. В голове поднялся оглушительный, давящий шум — так шумела кровь при перегрузке фазового контура, но сейчас никакой перегрузки не было. Чип на затылке молчал. Болело что-то другое, глубже, под ребрами, там, где уставной протокол требовал держать идеальный ноль эмоций.

«Мужики, не надо... Я всё отдам. Забирайте квартиру, забирайте всё, что есть. Только не это. Пожалуйста. Дайте мне просто дожить с ними... хотя бы до утра.»

Тот мужчина из сорок восьмой квартиры. Опушенные плечи, вытертый на локтях свитер, судорожно сжатые в мольбе пальцы. И глаза — полные безумной, исступленной надежды, которую Кирилл лично выжиг щелчком тумблера сбрасывателя.

— Ты лжешь, — хрипло выдохнул Кирилл, отступая на шаг. — Ты выдумываешь. Это твоя игра. Ты с самого начала вёл нас к этому!

— Зачем мне лгать тебе сейчас? — Нестеров даже не повысил голоса. В его тоне не было ни злорадства, ни торжества, только глухая, ввевшаяся в кости усталость. — Посмотри на фигурку, Кирилл. Переверни её. Ты вырезал её перочинным ножом на подоконнике в детской. Под брюхом, ближе к хвосту, ты пытался вырезать букву «К». Но лезвие соскользнуло, и ты срезал угол.

Пальцы Кирилла похолодели. Медленно, почти против собственной воли, он разжал кулак и большим пальцем нащупал нижнюю грань деревянной поделки.

Шершавая бороздка. Неровный, косой срез прямо возле задней ноги коня.

Сердце пропустило удар, и перед глазами на мгновение вспыхнула чужая — или его собственная? — картинка: солнечный луч сквозь тюль, запах сосновой стружки, порезанный указательный палец и запах зелёнки.

Кирилла качнуло. Он уперся рукой в край стола, сбив пару винтов, которые с сухим стуком покатались по доскам.

— Савельев... — выговорил он, с трудом проталкивая воздух через спазмированное горло. — Савельев сказал, что я из детского дома в Перми. Что меня отобрали по тестам на фазовую проводимость...

— Савельев собирал таких детей по всей стране после де-

вяносто восьмого года, — жёстко перебил Нестеров. — Тех, чье тело в момент локального сдвига не распадалось на атомы, а входило в резонанс. Обычный ребёнок погибает при пробое. Ты — выжил. Тебя выдернуло из базовой реальности на перекрестке, а Сова подчистил концы. Твоему отцу отдали пустой закрытый гроб с куском оплавленного асфальта и сказали, что грузовик размазал тебя так, что хоронить нечего. А тебя накачали нейроблокаторами и вырастили идеального пса на поводке.

Нестеров подошёл ближе, заглядывая Кириллу прямо в побелевшее лицо:

— Ты не виноват, парень. Тебя сломали ещё в десять лет. Но двенадцать лет твой отец не расставался с этой фигуркой и носил её на связке ключей. А вчера с помощью моего маяка он просто попытался вернуть своего мальчика. Хотя бы на один вечер.

— И я... — голос Кирилла дрогнул, — я сам нажал сброс.

— Ты выполнял протокол, вбитый тебе в подкорку, — Нестеров положил тяжёлую, загрубевшую ладонь ему на плечо. — Но конь остался у тебя. Можно стереть имя в личном деле, Кирилл, но дерево помнит прикосновение детской руки. Контур не смог стереть его, потому что ты стоял по обе стороны разрыва: ты был палачом из Отдела и одновременно тем самым мальчиком, для которого этот якорь создавался. Закон сохранения массы не смог выбрать, что уничтожить. Ты сам стал трещиной в их системе.

Кирилл закрыл глаза. В висках стучало, тошнота подкатывала к горлу, но сквозь пелену шока пробивалась холодная, ясная ярость. Ярость, которой он никогда раньше не испытывал. Не слепой гнев, а выверенное, смертоносное понимание: вся его жизнь, вся служба, все доклады и похвалы Совы были построены на прахе его собственного дома.

— Глеб знал? — тихо спросил Кирилл, открывая глаза. Взгляд его изменился: исчезла растерянность стажера, осталась только жёсткая решимость.

— Глеб не знал, кто ты, — покачал головой Нестеров. — Сова не дурак, он не стал бы давать Глебу личное дело стажера с реальными корнями. Но Глеб почувствовал неладное ещё на квартире. И на Шарташе он встал между тобой и пулей штурмовиков не по уставу. Глеб пошёл против системы ради тебя.

Нестеров отступил к генератору, с силой потянув рубильник предварительного прогрева. Трансформаторы натужно загудели, стрелки приборов на самодельной стойке вздрогнули и поползли вверх, в красную зону.

— У нас нет времени на сопли, Кирилл. Через сорок минут Сова закончит перегруппировку на базе и спустится к Глебу с ампулой нейтрализатора. Если мы не дернемся сейчас, твоего напарника выпотрошат до состояния овоща.

Нестеров кинул Кириллу на стол тяжёлый армейский респиратор и запасную обойму к пистолету:

— Я начинаю перегрузку прямо сейчас. Ложный пробой

на старой подстанции выведет из строя датчики трети города. Сирены завоюют так, что Савельев бросит туда все резервы. Ты уходишь в коллектор через микроразрыв. Задача одна: добраться до двенадцатой камеры, сбить наручники с Глеба и довести его до точки сброса.

Кирилл медленно опустил деревянного коня обратно во внутренний экранированный карман штормовки, застегнул молнию до самого горла и передернул затвор табельного пистолета. Металл щелкнул сухо, резко и бесповоротно.

— Открывай разрыв, Нестеров, — сказал он, надевая ре-спиратор. — Я вытащу его.

# Глава 5 Забор цвета неба

*«Что если наша реальность — это просто что-то чужое, криво зачищенное пепелище?»*

Холод баритобетонной камеры больше не колот кожу — он медленно втекал под ключицу, вымораживая внутренности. Раненое плечо уже не стреляло острой болью, а лишь глухо, мерно пульсировало липкой тяжестью. Потеря крови и лихорадочный озноб растворяли сознание Глеба точно так же, как промышленная щелочь разъедает накипь: звуки плыли, темнота перед глазами стала вязкой, а в затылке поднялся плотный, вибрирующий гул, в котором терялось ощущение собственного тела.

Глеб Северов висел на цепях, уронив подбородок на мокрую от крови майку. Пытаться держать фокус было бесполезно — мысли расползались серыми маслянистыми пятнами, цепляясь за последние обрывки памяти, пока темнота окончательно не треснула.

Но сквозь провал в пустоту пробился не кошмар зачисток и не лицо Савельева.

Пробился запах.

Запах подсохшей травы, машинного масла и дешевого растворимого кофе из пластикового стаканчика.

Семь лет назад.

Служебный «УАЗ» старой модификации стоял на гравийной обочине объездной дороги. Капот машины ещё потрескивал, остывая после трёх часов бешеной гонки по мокрому шоссе. В те годы Отдел работал на старых протоколах: аппаратура была тяжелее, конденсаторы грелись вдвое сильнее, а штормовки шили из грубого экранирующего брезента, который натирал шею до кровавых мозолей.

Нестеров сидел на опущенном заднем борту служебного фургона.

Тогда на его лице не было ядовитых фиолетовых нитей распада. Волосы были густыми, темными, а движения — скупыми, расчетливыми, почти хирургическими. Старший оперативник оперативной «двойки» сектора. Человек, о котором на базе говорили шепотом: Нестеров мог с закрытыми глазами выставить дельту массы с точностью до десятой доли грамма и провести отсечение так чисто, что на месте прокола не оставалось даже запаха озона.

— Держи, — Глеб протянул ему обжигающий стаканчик с кофе.

Нестеров взял стакан, но пить не стал — просто грел об него ладони в тонких кевларовых перчатках. Взгляд его серых глаз был устремлен куда-то в сторону леса, где сквозь верхушки сосен пробивался оранжевый диск заходящего солнца.

— Хорошо легли, — сказал тогда Глеб, садясь рядом на

борт. — Четвертый сектор закрыли за полторы минуты до перегрузки. Воронов в журнале даже калибровку проверять не стал.

Нестеров коротко, почти неслышно усмехнулся:

— Воронов видит цифры, Глеб. Цифры всегда идеальны. В них нет грязи.

Он помолчал, разглядывая мутную коричневую жижу в стакане.

— Ты знаешь, что Анька вчера сделала? — внезапно, без перехода спросил он, и в его сухом командирском голосе пробила несвойственная, мягкая хрипота. — Взяла синий мелок и раскрасила весь штакетник у веранды. Весь забор от крыльца до калитки. Марина ругалась, а малая стоит, руки по локоть в краске, и говорит: «Папа приедет с дежурства, а у нас забор цвета неба».

Глеб хмыкнул, доставая сигарету:

— Смывать замучаешься.

— А я не стал смывать, — Нестеров повернул к нему голову, и на его лице мелькнула редкая, открытая улыбка. — Пусть будет. Красиво получилось. Приезжай в субботу, Марина пирог с яблоками обещала. Баню протопим. Хватит тебе на «двойке» консервами давиться.

— Приеду, — кивнул Глеб. — Если Сова дежурство не накинёт.

Они допили кофе молча. Нестеров выбросил пустой стаканчик в контейнер для утилизации, аккуратно застегнул во-

ротник брезентовой куртки и проверил пломбы на стабилизаторе. Образцовый офицер. Железный человек Отдела, державший ствол реальности прочнее стальных тросов.

А через три недели всё кончилось.

Тот день Глеб помнил до мельчайших деталей, хотя нейростабилизаторы годами пытались стереть его из памяти.

Они стояли на плацу перед БТИ, готовясь к ночной смене. Дождь хлестал стеной. Из дверей центрального узла выбежал дежурный связист — белый как мел, без фуражки, спотыкаясь на ступеньках.

Не боевая тревога. Не фазовый прорыв.

Бытовое короткое замыкание в ветхой распределительной коробке старой дачи на окраине. Сухой сосновый брус вспыхнул за считанные минуты. Когда приехали районные пожарные, крыша уже рухнула внутрь, похоронив под горящими балками Марину и спящую пятилетнюю Аню.

Глеб помнил спину Нестерова, когда тот стоял перед пепелищем.

Он не кричал. Не бросался в огонь. Не плакал навзрыд. Он просто стоял под струями ледяного ливня, глядя на дымящиеся угли, и его пальцы медленно, до крови впивались в ладони.

Савельев тогда лично приехал на место. Полковник положил тяжёлую руку на плечо старшего оперативника и сказал своим ровным, деревянным голосом:

— Прими это, капитан. Законы энтропии непреложны. Мы хороним мёртвых, чтобы живые могли дышать.

Нестеров не ответил. Он даже не повернул головы.

И только теперь, спустя семь лет, висая на цепях в ледяной тьме камеры номер двенадцать, капитан Северов с запоздалым ужасом осознал: именно в ту секунду Нестеров перестал быть человеком Отдела. Именно там он умер — и родился кто-то другой.

Намеки были. Господи, как же их было много, но Глеб был слишком слеп, слишком вымуштрован уставом, чтобы сложить их воедино.

После похорон Нестеров вышел на службу ровно через положенные по регламенту десять дней. Ни единого отгула сверх нормы. Внешне — всё тот же безупречный командир «двойки». Но внутри начался незаметный, пугающий дрейф.

Первый звонок прозвенел в арсенале на цокольном этаже.

Глеб спустился забрать аккумуляторы к сбрасывателю и застал Нестерова в дальнем боксе списанной аппаратуры. На верстаке лежал вскрытый блок полевого стабилизатора «Вектор-4» — громоздкий аппарат с керамической матрицей. Нестеров тонким паяльником аккуратно вынимал кристаллы резонансного контура.

— Зачем тебе это старье? — удивился тогда Глеб. — В десятом блоке новые импульсники выдают, легкие, на титане.

Нестеров не вздрогнул. Его рука даже не шелохнулась:

— У новых аппаратов жёсткая заводская прошивка отсечения, Глеб. Сова ограничил глубину обратной волны. А у «четверки» контур аналоговый. Его можно развернуть на себя.

— Зачем развернуть? Контур же спалит оператора.

Нестеров медленно отложил паяльник, поднял глаза и посмотрел на Глеба долгим, немигающим взглядом:

— А если не спалит? Если он просто удержит точку, в которой ты стоишь? Скажи, Глеб... если закон сохранения массы абсолютен, почему мы считаем, что ствол — только здесь? Что если наша реальность — это просто чье-то чужое, криво зачищенное пепелище?

Глеб тогда счел это признаком скрытого фазового психоза.

— Тебе надо на обследование, — глухо сказал он. — Хватит глушить откат. Сова заметит нестабильность телеметрии — спишет на архивную работу.

Нестеров лишь горько усмехнулся:

— Сова видит только то, что укладывается в его протоколы.

Второй звонок был страшнее.

Это случилось на зачистке в Чкаловском районе. Обычный пробой третьего класса: спившийся заводской рабочий активировал спонтанный резонанс и вернул погибшего в аварии брата. Ветка была крошечной, неустойчивой, стены хрущевки уже ходили ходуном.

Глеб держал внешний периметр. Нестеров вошёл внутрь со сбрасывателем.

По нормативу отсечение должно было занять двадцать секунд. Но прошло сорок. Затем минута. Полторы.

Глеб сорвался с места, выбил плечом хлипкую фанерную дверь и замер на пороге.

Мужчина на коленях обнимал брата, захлебываясь слезами. А Нестеров стоял посреди комнаты с опущенным излучателем. Палец лежал на тумблере, но не нажимал его. На лице старшего оперативника застыла страшная, мёртвая тоска. Он смотрел на двух обнявшихся людей так, словно видел в них единственное доказательство того, что мир ещё не окончательно сошёл с ума.

— Нестеров, таймер! — заорал тогда Глеб, вскидывая табельный пистолет. — Перекрытие сейчас сложится! Жми!

Нестеров вздрогнул, словно очнулся от тяжёлого сна, посмотрел на Глеба — и в его взгляде на секунду блеснула отчаянная, безумная надежда.

— Глеб... посмотри на них, — хрипло выдохнул он. — Они живые. Они дышат. Мы можем просто уйти. Сказать Воронову, что это спонтанная дельта...

— Ты сдурел?! — Глеб шагнул вперед и сам ударил кулаком по дублирующему тумблеру на плече напарника.

Вспышка ослепила обоих. Запах пепла, облупленные стены, крик на полуслове — и тишина.

В машине по дороге на базу Нестеров не проронил ни сло-

ва. А когда они припарковали фургон в темном переулке, он повернулся к Глебу, и его голос прозвучал с пугающей, ледяной четкостью:

— Ты хороший солдат, Глеб. Безупречный. Ты нажмешь кнопку, даже если на том конце контура буду стоять я. Но запомни: когда-нибудь ты сам увидишь то, что невозможно стереть. И тогда твои собственные руки откажутся подчиняться приказу.

Через неделю Нестеров не вышел на утренний развод.

А к вечеру поисковый сканер зафиксировал аномальный пробой высшего класса на окраине города — ровно на тех координатах, где стояла сгоревшая дача.

Тяжёлый глухой удар снизу заставил цепи натянуться со звоном.

Боль вернулась внезапно, словно в раненое плечо снова вогнали раскаленный штык. Глеб судорожно втянул воздух через стиснутые зубы, кашляя от едкой цементной пыли.

Камера номер двенадцать. Сырой баритобетон. Наручники, пережимающие онемевшие запястья. На медицинском столике у входа так и остался лежать нераспакованный шприц-тюбик с десятой серией нейростабилизатора — Сова собирался стереть его лично, но не успел.

Глухой, непроницаемый монолит «могильника» мелко, едва заметно вибрировал. Низкочастотный гул пробивался сквозь двадцатиметровую толщу земли. Тусклая лампа в за-

щитном плафоне под потолком мигнула раз, другой — и сменилась тревожным багровым мерцанием аварийного режима.

Где-то далеко наверху, за бронированными переборками лифтовых стволов, истошно и протяжно выла сирена красной тревоги.

Ложный пробой.

Нестеров замкнул тяговую подстанцию. Он сделал это. Город накрыло фантомной волной, и Сова со всеми свободными штурмовыми группами рванул на ликвидацию несуществующего эпицентра, оставив здание БТИ пустым.

Глеб с трудом поднял голову.

Прямо над дренажной решеткой в полу, у самого стыка тяжёлых бетонных плит, старая жестяная решетка замурованного коллектора охлаждения тихо, со скрежетом вздрогнула.

Сначала по цементу пополз тонкий морозный пар.

Затем внутри воздуховода что-то коротко, сухо щелкнуло металлом. Болты крепления с глухим звоном посыпались на пол, и грязная вентиляционная крышка медленно, бесшумно сдвинулась в сторону.

Из темноты коллектора показался чёрный армейский респиратор и горящие дикой, холодной решимостью глаза Кирилла.

Решётка коллектора глухо ударилась о цементный пол, подняв облачко серой пыли.

Кирилл Костров вывалился из узкого лаза на четвереньки, одним резким движением стянул с лица респиратор и вскинул табельный пистолет, сканируя пустой угол камеры. Чёрная форменная штормовка была распорота на левом предплечье о ржавые крепления короба, на скуле белела свежая ссадина, но взгляд — тот самый, который Глеб ещё вчера считал взглядом растерянного зелёного лейтенанта — стал чужим, предельно собранным и жёстким.

— Не стреляй, — сдавленно прохрипел Глеб, с трудом ворочая пересохшим языком. — Это я.

Кирилл опустил оружие и мгновенно оказался рядом. Пальцы в перчатках легли на массивные экранирующие браслеты, намертво стянувшие запястья капитана.

— Восемь минут до возвращения первой группы, — отрывисто бросил Кирилл, доставая из набедренного чехла тяжёлый контурный деструктор с керамическим жалом. — Нестеров сжигает генераторы Терминала на подстанции, но Сова не дурак, он быстро поймет, что пробой пустой.

— Кирилл... — Глеб попытался податься вперед, но цепи натянулись, рванув раненое плечо. — Наручники на прямом индукционном коде. Если срезать механически, детонатор в замке разнесёт кисти.

— Я знаю, как устроен этот металлолом, — перебил Кирилл.

Он не стал ковырять замки. Вместо этого он сунул руку под растянутую молнию куртки и достал белого деревян-

ного коня. Приложил сколотое ухо фигурки прямо к контрольному диоду левого экранирующего браслета, а другой рукой вогнал жало деструктора в клемму заземления.

Дерево едва заметно отозвалось бирюзовой вспышкой — той самой остаточной частотой из сорок восьмой квартиры. Внутри титанового замка что-то натужно взвизгнуло, индукционный контур захлебнулся, и индикатор на браслете сменился с мёртвого синего на бледно-зелёный. Щелчок — левая дужка с глухим стуком упала на пол.

Следом со звоном раскрылся второй браслет.

Лишенные поддержки руки Глеба обвисли. Кирилл перехватил капитана под грудь, не дав ему рухнуть лицом на мокрый бетон.

— Живой? — Кирилл быстро ощупал пробитое плечо, профессионально оценивая повязку.

— Жить буду, — Глеб оперся здоровой рукой о колено парня, сцепив зубы от накатившей волны дурноты. — Кровь хлещет... и колотит от холода. Ноги как ватные.

— Дойдешь, — отрезал Кирилл, закидывая здоровую руку Глеба себе на плечо и помогая ему подняться. — Нестеров пробил технологический коридор под дренажем. До точки выхода полтора километра ползком по трубе, но на поверхности нас встретят.

Глеб тяжело перевёл дыхание, глядя в побелевшее лицо лейтенанта. В тусклом багровом свете аварийной лампы он вдруг отчетливо разглядел то, чего раньше не замечал

за муштрой и регламентами: тонкую складку у переносицы, упрямый изгиб челюсти и абсолютное отсутствие страха перед системой.

— Кирилл... — тихо позвал Глеб. — В Терминале. Нестеров... он рассказал тебе?

Кирилл на секунду замер у вентиляционного лаза, придерживая Глеба за пояс. В его глазах что-то дрогнуло — темное, болезненное, выжженное до самой основы.

— Он рассказал всё про эту фигурку, — глухо ответил Кирилл, убирая деревянного коня обратно под кевлар. — Про сколотое ухо. Про недорезанную «К» под брюхом. И про аварию на перекрёстке двенадцать лет назад.

Глеб замер. Взгляд капитана потемнел, мышцы на челюсти натянулись так, что со скрежетом сжались зубы. В голове с сухим щелчком сложился пазл, который годами казался просто рутиной: липовое личное дело из пермского распределителя на имя Кострова, врождённая феноменальная фазовая проводимость пацана и личный приказ Совы держать лейтенанта при себе в «двойке» без права перевода.

— Пермский детдом, — с ледяным, глухим бешенством процедил Глеб, сплёвывая кровь под ноги. — Архивные справки, закрытые директивой нулевого уровня. Сова лично подписал распределение ко мне.

Старик не просто вырастил идеального пса на поводке — он заставил меня натаскивать тебя на твой собственный дом. Тварь.

Глеб с силой опёрся на здоровое плечо Кирилла, и в его воспалённых глазах впервые за всё время службы зажёгся опасный, беспощадный волчий огонёк:

— За это Савельев ответит сполна. Лезь в коллектор, парень. Живыми мы им этот город не оставим.

Кирилл лишь коротко кивнул. Разговоры кончились.

Глеб стиснул зубы и, преодолевая слепящую боль в плече, втянулся в узкую жестяную трубу. Следом, бесшумно подняв с пола крышку и закрыв за собой проем, в темноту скользнул Кирилл.

Дверь камеры осталась запертой, но цепи на стене уже висели пустыми.

Труба старого коллектора охлаждения напоминала бесконечный металлический гроб.

Здесь пахло застарелой ржавчиной, затхлой стоялой водой и машинным антифризом, не выветрившимся за годы консервации. Двигаться приходилось на локтях, волоча ноги по скользкому от ила металлу. Каждый метр отдавался в теле Глеба раскаленным свинцом, раненое плечо задевало заклепки короба, а озноб и слабость от кровопотери накатывали приступами дурноты.

Кирилл полз следом, подталкивая напарника вперед и держа наготове пистолет.

— Стой, — шепнул Кирилл, коснувшись подошвы ботинка Глеба.

Впереди показался вертикальный колодец технической шахты, сквозь щели настила которого пробивался бледный свет. Где-то рядом слышался мерный топот тяжёлых армейских подошв и отрывистые команды через трещащие радиостанции.

— Внимание всем постам! — разнесся по бетонным стволам усиленный динамиками голос дежурного диспетчера. — В секторе «могильника» зафиксировано несанкционированное падение сопротивления цепи в блоке «Б». Проверить двенадцатую камеру! Повторяю: тревога первой категории, перекрыть нижние дренажи!

— Нас засекли, — выдохнул Глеб в темноту трубы.

— Нас засекли слишком поздно, — Кирилл протиснулся вперед, плечом отодвинув хлипкую заслонку колодца. — Вон люк аварийного сброса. Наружу, в ливневую канализацию завода.

Они вывалились на бетонную площадку коллекторного колодца. Кирилл подставил плечо, помог Глебу ухватиться за ржавые скобы лестницы и рванул заклинивший рычаг шлюза.

Тяжёлая круглая крышка с протяжным скрежетом поддалась, впустив в душное подземелье резкий поток холодного осеннего воздуха.

В лицо ударил колючий мокрый снег вперемешку с дождем.

Они выбрались на поверхность на заброшенных путях

промзоны, в полукилометре от глухого забора БТИ. В темном небе над городом дрожали багровые сполохи — ложный пробой Нестерова превратил датчики центральных районов в хаос. Завывание городских сирен сливалось с гулом заходящих на вираж полицейских перехватчиков.

У насыпи, укрытый ветками и старым брезентом, стоял тяжёлый серый фургон с потушенными габаритами — угловатый, с облупленной серой краской на бортах, до боли похожий на те списанные служебные «буханки», на которых они с Нестеровым выезжали на дежурства семь лет назад.

Боковая створка с лязгом распахнулась. Из полумрака шагнул Нестеров — в длинном брезентовом плаще, с осунувшимся, мертвенно-бледным лицом, на котором снова ядовито пульсировали фиолетовые прожилки перегрузки.

Он молча протянул руку, подхватил оседавшего на мокрый гравий Глеба и посмотрел ему прямо в глаза:

— Дошёл, капитан.

Глеб криво усмехнулся разбитыми губами, сплевывая кровь в мокрый снег:

— А ты всё-таки не сдох тогда, Нестеров.

— Не дождёшься, — Нестеров крепче сжал его здоровое плечо и втолкнул внутрь кунга. — Залезайте. Фазовый генератор Терминала сгорел. Через сорок минут Сова поймет, что его обвели вокруг пальца, и заблокирует все выезды из города. Пора заканчивать эту войну.

Кирилл в последний раз оглянулся на серые коробки зда-

ний, застегнул штормовку до самого подбородка и захлопнул тяжёлую дверь. Фургон взревел надсадным басом и сорвался с места, растворяясь в ночном снегопаде.

В тесном кунге фургона пахло бензином, прелыми войлочными ковриками и сыростью.

Печка в перегородке кабины выла на пределе, выталкивая сухой, пахнувший гарью воздух, но тепла не прибавлялось. Дворники с надрывным скрипом разгребали мокрую кашу, сквозь которую едва угадывались очертания товарных складов и заброшенных путей станции Сортировочная.

Нестеров заглушил двигатель, не доезжая сотни метров до тупика, и накатом завёл фургон под навес полуразрушенного кирпичного склада.

— Приехали, — глухо бросил он через решетчатое окно кабины. Руки на баранке мелко дрожали, сквозь бледную кожу костяшек отчетливо проступала фиолетовая капиллярная сетка перегруза. — Здесь глухая зона. Кабели связи оборваны ещё в девяностые, сканеры Отдела отражаются от кровельного железа. У нас есть от силы два часа.

— Два часа — это если Сова поверит в след на объездной, — Глеб с трудом поднялся с жёсткого откидного сиденья кунга, прижимая к ребрам раненую руку. Каждое слово давалось ему с усилием: плечо горело огнем, накатывал серый мутный озноб. — Савельев знает мои повадки не хуже меня самого. Он перекроет сектора квадратами.

— Вылезай, капитан, — Нестеров распахнул задние распашные двери, подхватил его под здоровую руку и потащил вглубь склада.

Внутри царил ледяной полумрак. Пахло мышиным пометом, слежавшейся стекловатой и старой мазутной ветошью. Кирилл нашарил в инструментальном ящике фургона металлическую аптечку старого образца и захлопнул за собой тяжёлую створку ворот, задвинув ржавый штырь засова.

Они усадили Глеба на перевернутый деревянный ящик из-под кабельных муфт. Кирилл достал из кармана нож и одним точным движением вспорол пропитанный кровью рукав куртки капитана. Рана выглядела скверно: пуля прошла на вылет через мягкие ткани плеча, края рваного отверстия уже потемнели и заплыли сукровицей.

— Держи спирт, — Нестеров бросил Кириллу плоскую армейскую флягу, а сам опустился на бетонный пол у стены, запрокинув голову. Его дыхание было прерывистым, сухим, грудь ходила ходуном. — Генераторы на подстанции выгорели в ноль. Катушки Терминала оплавилась. Обратного входа больше нет. Мы отрезаны.

— Плевать на генераторы, — оскалился Глеб, когда Кирилл плеснул спиртом прямо в открытую рану. — Шей давай. Не церемонься.

Кирилл достал из аптечки хирургическую иглу с шелковой нитью, обтер пальцы и, прижав рану тампоном, сделал первый стежок. Руки сначала ходили ходуном, но стоило иг-

ле пробить плотную кожу, как в голове включился тот самый тупой армейский автоматизм, которому Северов учил его на базе: ровный шаг, узел, натяжение.

Глеб не издал ни звука. Он лишь зажмурился, вжав пальцы здоровой руки в край ящика так, что затрещала трухлявая фанера.

— Отдел... — процедил капитан сквозь сомкнутые зубы, с которых капала слюна пополам с кровью. — Савельев поднял дежурную роту. Они не будут брать живыми. После того, как в двенадцатой камере сорвало браслеты, приказ один — зачистка нулевого уровня.

— Значит, ляжем здесь, — равнодушно отозвался Нестеров из темноты. Он сидел неподвижно, глядя в щели заключенных окон. — Какая разница, где сдохнуть — на свалке или в этом сарае? Городом больше, городом меньше...

— Заткнись, — Кирилл затянул последний узел и зубами перекусил нить. В висках у него стучало, перед глазами плыло, но пальцы действовали жёстко. — Хватит скулить. Ты вытащил нас не для того, чтобы сдохнуть в углу.

Он наложил давящую повязку, намертво зафиксировав бинт на плече Глеба. Капитан тяжело выдохнул, уронив голову на грудь, но в его взгляде уже не было мутного тумана — только холодная собранность кадрового офицера.

— Патроны, — коротко бросил Глеб, поднимаясь на ноги. Его слегка качнуло, но он удержал равновесие.

Кирилл выложил на ящик свой штатный пистолет и запас-

ную обойму. Нестеров достал из-под полы тяжёлый трофейный револьвер с переточенным барабаном и высыпал горсть патронов разного калибра.

— Семнадцать штук на троих, — подытожил Глеб. — Если пойдут со щитами — стрелять только по ногам и в сочленения брони.

Он не успел договорить.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.